

18.84.

„Столица и усадьба.

1916 г. № 66.

1884.

А. В. Моравовъ—„Игрушки“.
Весенняя выставка 1916.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

ШОКОЛАДЪ КАКАО

ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

№ 66.

15 СЕНТЯБРЯ 1916 г.

Отд. № вездѣ—95 коп.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіеся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ железъ, какъ никака негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органо-терапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ва. П.Т.Г.
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Журналъ выходитъ съ 15 декабря 1913 года.

Большинство №№ за 1914 и 1915 гг., также первое десятъ №№ за 1916 г. полностью распроданы.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ:

въ Петроградѣ 13 руб. 50 коп.
въ Россіи 14 руб. 50 коп.
за границей 40 франк.

Отдѣльный номеръ—95 коп.

№ для ознакомленія высылается за 40 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ:

безъ доставки въ Петроградѣ . 14 руб.
съ доставкой въ Петроградѣ . 14 руб. 50 коп.
въ Москвѣ и провинціи . . . 15 руб. 75 коп.
за границей (заказ. бандер.) . 45 франк.

Въ прошлые годы подписчики, вносившіе плату поздне 1 января, вслѣдствіе быстрого роста подписки, къ сожалѣнію, не получили первыхъ №№ журнала; покорно просимъ поэтому на будущій годъ подписываться возможно заранѣе, не поздне половины декабря, а еще лучше теперь же.

Объявленія вѣтъ текста (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка копирелеи (1/4 ширины страницы). Цѣлая страница 400 руб.

№ 67 выйдетъ 1 октября 1916 года.

РЕДАКЦІЯ: Каменный островъ 31, площ. Стараго театра, соб. д. Тел. 145-25.

КОНТОРА: Невскій, 28 (д. Зингера).
Тел. 260-51 и 171-38.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ:

В.Л. КРЫМОВЪ.

(10-ая тысяча).

ВЪ СТРАНѢ ЛЮБВИ И ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЙ.

Въ странѣ миллардеровъ.—Газеты и реклама.—По Вестъ-Индіи.—Въ Панамѣ.—
Въ странѣ любви и землетрясеній.—Кинематографъ мысли.—Странные рассказы.—
Монте-Карло.

(12-ая тысяча).

О ПРОЧЕМЪ.

О Монте-Карло и игрокахъ.—Какъ меня прогналъ Л. Н. Толстой и прочее.—
Въ Южной Америкѣ.—По Сѣв. Америкѣ и Европѣ.—Кинематографъ мысли.
Выписывающіе изъ склада изд. „Столицы и Усадьбы“, Петроградъ,
Невскій, 28—переслать безплатно.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНИЯ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНІИ.

Вышелъ изъ печати иллюстрированный каталогъ художественныхъ изданій Общины св. Евгеніи Краснаго Креста, съ 1896 г. по 1915 г.

Дѣло художественныхъ изданій Общины св. Евгеніи находится подъ ближайшимъ руководствомъ Комиссіи, состоящей изъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ; съ самаго основанія этого благотворительно-издательскаго дѣла въ немъ принимаетъ ближайшее участіе И. Е. Рѣпинъ, давшій для каталога въ годъ своего юбилея автопортретъ съ автографомъ. Комиссіей за девятнадцатилѣтній періодъ выпущено около 7000 разныхъ сюжетовъ открытыхъ писемъ, въ числѣ которыхъ имѣются: посвященные значительнымъ историческимъ событіямъ; снимки съ картинъ и сокровищъ Дворцовъ, картинъ Эрмитажа, Музеевъ обихъ столицъ, Романовская галерея (около 80 картинъ въ особомъ ѣтѣ); архитектурныя памятники Россіи, обращено особенное вниманіе на картины старыхъ мастеровъ; изданы снимки съ рисунковъ, бывшихъ на выставкахъ „Кружка любителей изящныхъ русскихъ изданій“, иллюстрирующихъ русскую жизнь въ эпоху Отечественной войны и портреты русскихъ женщинъ въ гравюрахъ и литографіяхъ и т. д.

Современные художники, не взирая на направленія, находятъ совершенно безпристрастное отраженіе своей дѣятельности въ изданіяхъ Общины. Такъ, напримѣръ, изданы кустарныя игрушки въ акварельныхъ композиціяхъ Ал. Ник. Бенуа; „Четыре времени года“ и „Дни недѣли“—въ акварельныхъ рисункахъ К. А. Сомова, много вещей Врубеля; портретъ Айседоры Дунканъ, исполненный съ натуры по заказу Комиссіи Л. С. Бакстомъ. Эти работы исполнены исключительно для открытыхъ писемъ Общины св. Евгеніи.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНІИ:

въ Петроградѣ главный и для многогородныхъ, Пески, Старорусская, 3.
Община св. Евгеніи. Городской: Петроградъ, Морская, 38. Въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Тверскаго подворья.

ПОЧЕМУ НѢТЬ ВЪ ПРОДАЖѢ АВТОМОБИЛЕЙ „ВОКСХОЛЬ“?

Каждый автомобиль, выпускаемый фирмой „Воксхоль“, запроданъ Англійскому Правительству для нуждъ Генеральнаго Штаба Арміи.

Количество автомобилей, выпускаемыхъ сегодня фирмой „Воксхоль“, превзошло таковое за все время существованія завода.

Всѣ автомобили „Воксхоль“, поставляемые Британскому Генеральному Штабу Арміи, одинаковые по типу съ тѣми, которые продавались въ Русскомъ Отдѣленіи О-ва до войны.

Поэтому въ настоящее время, какъ и до войны, заводы „Воксхоль“ заняты работами по производству открытыхъ и закрытыхъ автомобилей высшаго качества, и немедленно по окончаніи войны представится возможность поставки кліентамъ въ Россіи автомобилей „Воксхоль“ со всѣми новѣйшими усовершенствованіями.

*Автомобильное Общество Воксхоль
Невскій пр. № 21.*

95 ✓
с 82

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТЪ ВРАЧЕБНОЙ КОСМЕТИКИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

Москва, Тверская, д. 33.

Телеф. 260-10.

Задачи Института предложить въ распоряженіе публики все средства для ухода за красотой лица и тѣла, для ея укрѣпленія и сохраненія. Институтъ оборудованъ соответствующими аппаратами и приспособленіями для электролиза, электротехническаго и вибраціоннаго массажа, электрическими, паровыми, суховоздушными и свѣтовыми ваннами, душами. Удаленіе розеа кожи, морщинъ, прыщей, угрей, веснушекъ, загара и проч. недостатковъ.

Синусоидализация вялой кожи. Удаленіе оспенныхъ знаковъ.

МАНИКЮРЪ.

Лъченіе выпаденія и др. болъзней волосъ.

Химико-бактеріологическое и микроскопическое изслѣдованіе волосъ.

Пріемъ врачами специалистами.

Проспекты высылаются бесплатно. Телеф. № 260-10.

Институтъ помъщается: Тверская, д. № 33, бывш. Полякова, рядомъ съ д. ген.-губерн.

Институтъ открытъ отъ 10 час. утра до 6 час. вечера.

Въ скоромъ времени откроется отдѣленіе Института въ Ялтѣ: Набережная, Екатерининская улица, рядомъ съ магазиномъ Т-ва А. М. Остроумова.

ПРАВЛЕНІЕ:

Петроградъ,
В. О., Нико-
левская
набережн.
№ 192.

ОТДѢЛЕНІЯ

Архан-
гельскъ,
Троицкій пр.
№ 82 и въ
друг. горо-
дахъ.

АГЕНТСТВА:

Москва,
Старая пл.,
Грузинскій
пер. № 4 и
въ другихъ
городахъ.

Требуйте
проспекты.

**РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ ЛИНІЯ
РУССКАГО ВОСТОЧНО-АЗІАТСКАГО ПАРОХОДСТВА.**

АРХАНГЕЛЬСКЪ—НЬЮ-ІОРКЪ И ОБРАТНО.

Безъ остановокъ въ пути и безъ захода въ промежуточные порты.

Единственное прямое сообщеніе между **РОССІЕЙ И АМЕРИКОЙ**

на быстроходныхъ почтово-пассажирскихъ пароходахъ
„ЦАРЬ“, „ЦАРИЦА“, „КУРСКЪ“ и „ДВИНСКЪ“.

Проваль продолжается 12—14 дней. Пароходы отходятъ каждыя 11 дн.

...Потому французенки и одѣты всегда
лучше насъ, что онѣ понимаютъ значеніе
корсета. Мы ищемъ только хорошую порт-
нишу, корсету придаемъ мало значенія, а
никакое платье не будетъ шикарно безъ
умѣло сдѣланнаго корсета...

— Умѣнье одѣваться на половину за-
ключается въ умѣнїи найти „свой корсетъ“...

Литейный 45.

Тел. 438—40.

КОРСЕТЫ

МАРКУСЪ ЗАКЪСЪ.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

№ 66.
ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ
СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА.

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ.

15 СЕНТЯБРЯ 1916 Г.
ПЕТРОГРАДЪ.

ДИКАНЬКА,

имѣніе князя Викт. Серг. Кочубея.

Имѣніе „Диканька“ Полтавской губ. и уѣзда принадлежитъ уже съ XVII в. роду Кочубеевъ. Въ настоящее время владѣть имѣніемъ князь Сергѣй Викторовичъ Кочубей, главный управляющій Удѣловъ.

Не сохранилось, къ сожалѣнію, точныхъ данныхъ, на какомъ мѣстѣ была построена первоначальная усадьба—на томъ ли, гдѣ теперь выстроены новый домъ. Большинство другихъ построекъ усадьбы возведены въ началѣ XIX столѣтія. Точно даты также не установлены.

„Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ получили свое названіе, понятно, отъ этой же усадьбы и села. Село почти рядомъ съ усадьбой, только перейти черезъ гору, и въ этомъ селѣ до сихъ поръ сохранилась старинная каменная церковь, которую описывалъ Гоголь въ своей „Ночи подъ Рождество“. Именно ее расписывалъ кузнецъ Вакула и въ ней же качки въ притворѣ показывали дѣтямъ намалеваннаго чорта—„глянь какъ яка кака намалевана“...

Усадьба Гоголя граничитъ съ „Диканькой“. Н. В. Гоголь постоянно бывалъ въ „Диканькѣ“, состоя въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьей Кочубеевъ. „Диканька“, какъ и рядъ другихъ русскихъ усадебъ, въ то время была малень-

кимъ культурнымъ центромъ, куда привлекало не только Гоголя, но и другихъ писателей и интересныхъ людей той эпохи. Къ сожалѣнію, домъ въ усадьбѣ Гоголя, тотъ старый деревянный небольшой домъ, въ которомъ жилъ Н. В., недавно сломанъ.

* * *

„Про Диканьку, думаю, вы слышались вдоволь“—увѣренно обращался къ читателямъ пасѣчникъ рудый Панько, начинающая свои „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“.— „И то сказать, что тамъ домъ почище какого-нибудь пасѣчничкова куреня. А про садъ и говорить нечего: въ Петербургѣ вашемъ, вѣрно, не сыщете такого“.

Не одно завѣтное преданіе русской исторіи и литературы связано съ Диканькой. Становится она извѣстной съ середины XVII в., и долго ея нивы орошались польской, украинской, татарской шведской, русской кровью. Почти два съ половиною вѣка ею владѣть родъ Кочубеевъ.

Диканька—„гоголевскія мѣста“, „Гоголевщина“. Здѣсь великій писатель испыталъ первыя впечатлѣнія, навѣваемые природой, узналъ языкъ и душу народа. Въ двадцати пяти верстахъ отъ Диканьки находится родовое имѣніе Гоголей Яновщина (Васильевка), гдѣ протекло дѣтство писателя, но родной для него была и Диканька. Передъ чтимымъ во всей округѣ образомъ Николая Чудотворца въ диканьской Николаевской церкви, стоящей въ величавомъ, старомъ дубовомъ лѣсу, Марія Ивановна Гоголь молила Бога послать ей сына и дала обѣтъ назвать его Николаемъ. Сюда и впоследствии часто пріѣзжали яновщинскія паны на богомолье, иногда „по усердію“ совершали путь „апостольскими стопами“. Обаяніе святыни сливалось съ обаяніемъ природы и поддерживало то высокое духовное на-

Триумфальная ворота, въ память посѣщенія
Диканьки Александромъ I въ 1820 г.

Дорога въ Диканьку—знаменитые дубы.

Перепечатка безъ указанія
источника воспрещается; пе-
репечатка группъ и портре-
товъ вообще воспрещается.
Законъ 20 марта 1911 года.

Оленникъ въ Диканькѣ.

Диканька. Одинъ изъ знаменитыхъ дубовъ-великановъ, воспѣтыхъ еще Пушкинымъ.

Соб. фот. „Ст. и Ус.“.—Снималь Я. В. Штейнбергъ.

Диканька. Фасадъ главнаго дома.

Цвѣтникъ въ саду, вдали—прудь; по-
среди́нѣ газонный гербъ князей Кочубеевъ.

Диканька. Уголок кабинета княгини Елены Конст. Кочубей.

строение, которое отличало семью, давшую миру Гоголя.

Мнительная Мария Ивановна Гоголь однажды писала сыну, что будто бы „князь Кочубей мѣрялъ нашу землю“, и у нея возникло подозрѣніе, не собирается ли могущественный сосѣдь, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, оттягать Яновщину. Сынъ отнесся къ этому нелѣпому извѣстію хладнокровно и, сказавъ нѣсколько словъ по адресу мѣстныхъ олуховъ, собственные языки которыхъ можно мѣрять аршинами, успокоилъ мать: „велика важность, что князь Кочубей мѣрялъ нашу землю! Пусть онъ хоть всю ее помѣститъ у себя на планѣ. Мы можемъ помѣстить его Диканьку у себя на планѣ. Все это вздоръ“.

Яновщинскій помѣщичій домъ, въ которомъ прошли дѣтскіе годы Гоголя, потолки и стѣны котораго

онъ самъ въ послѣдствіи расписывалъ, уже не существуетъ, и вся гоголевская усадьба распланирована по-новому, исчезъ и тѣнистый

Диканька. Одинъ изъ фамильных кубковъ; подпись на немъ:

(С) великихъ гден-цренъ Іоханна и Петра мезекичовъ пожалованъ кон, зап, емералномъ писарѣ Василію Кочубею, рока ахтѣ у гент: ді днѣ.

старый садъ, но въ Диканькѣ любящая заботливость и богатство Кочубеевъ сохранили все какъ было въ оныя дни, и цвѣтутъ и шелестятъ могучіе дубы, подъ которыми когда-то бѣгалъ маленькій Никоша Гоголь.

Пушкинъ воспѣлъ ихъ въ „Полтавѣ“:

Цвѣтеть въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ,—
Они о праотцахъ казенныхъ
Донинѣ внукамъ говорятъ...

Эти „друзья“, „праотцы“—генеральный войсковой писарь Василій Леонтьевичъ Кочубей и его родственникъ подковникъ Искра, обличители Мазепы. Не будемъ разбираться въ подробностяхъ слишкомъ общезвѣстной исторической и романтической трагедіи, которая связана съ этими именами. Все въ Диканькѣ говоритъ о безвинно погибшемъ страдальцѣ Кочубеѣ, о коварномъ измѣнникѣ Мазепѣ, о несчастной Маріи, о коварномъ измѣнникѣ Мазепѣ, о несчастной Маріи. До сихъ поръ показываютъ въ Диканькѣ „мазепинъ дубъ“, почти пяти сажень въ обхватѣ,—подъ нимъ будто бы происходили свиданія Матрены съ гетманомъ, хотя мѣсто дѣйствія романа почти съ полной увѣренностью можно ограничить Батуриномъ, гетманскою столицею. Неподалеку отъ Диканьки, въ Старыхъ Будищахъ, въ женскомъ монастырѣ, нынѣ не существующемъ, говорятъ, кончила свои дни Матрена Васильевна, въ иночествѣ Евфросинія, но и это преданіе ничѣмъ не подтверждается. Какъ величайшая родовая святыня, хранится въ диканьскомъ помѣщичьемъ домѣ сорочка В. Б. Кочубея; тамъ же—рядъ реликвій эпохи Петра Великаго и шведской кампаніи и большая бібліотека, богатая рукописями и книжными рѣдкостями.

Прекрасна тамошняя природа, и славится красотой населеніе. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ Диканьку посетилъ покойный историкъ южной Россіи А. И. Маркевичъ. „Я восхищался“—рассказываетъ онъ въ одной замѣткѣ о князѣ В. П. Кочубеѣ,—красотою мѣстности, но не могъ не обратить вниманія и на красоту диканьскихъ крестьянъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; даже старики и старухи отличались стройностью фигуръ и пожалуй своеобразною красотой. Когда я сообщилъ о своемъ наблюденіи управляющему, тотъ объяснилъ мнѣ, что, по преданію, покойный князь, любя Диканьку и часто ѣзжая сюда, непременно желалъ видѣть въ ней красивое населеніе, поэтому всѣхъ некрасивыхъ парней переселялъ, а дѣвушекъ

выдавалъ замужъ въ другія свои многочисленныя имѣнія, хорошо обставляя ихъ матеріальное положеніе, и, наоборотъ, вездѣ въ нихъ выбиралъ красивыхъ парней и дѣвушекъ и переселялъ въ Диканьку...

Насколько это вѣрно—я, разумѣется, сказать не могу; но я такого красиваго населенія, какъ въ Диканькѣ, не встрѣчалъ нигдѣ,

была двумя годами моложе поэта и жила тогда въ Царскомъ Селѣ. „Едва ли не она была первымъ предметомъ любви Пушкина“, писалъ одинъ изъ его товарищей. Къ ней относится стихотвореніе „Измѣны“, и несомнѣнно она фигурируетъ въ „Донъ-Жуанскомъ спискѣ“ Пушкина подъ именемъ „Натали I“; впоследствии она была замужемъ за графомъ А. Г. Строгановымъ, министромъ

Диканька. Музейная комната.

а во времена крѣпостного права и не такія затѣи были возможны“. (Вообще эта оригинальная „калпедія“ была въ духѣ почтенной старины: такъ Фридрихъ Великій слѣдилъ за браками своихъ рослыхъ красавицъ-гвардейцевъ и самъ подбиралъ имъ женъ).

Пѣвецъ „Полтавы“ въ свои лицейскіе годы одно время увлекался дочерью этого Кочубея, Виктора Павловича, съ 1799 г. графа, съ 1831—князя, графиней Натальей Викторовной, которая

внутреннихъ дѣлъ, потомъ новороссійскимъ генераль-губернаторомъ. Имя Диканьки и связанныя съ нею преданія могли быть извѣстны Пушкину гораздо раньше, чѣмъ началось его знакомство съ историческими источниками и вообще съ литературной традиціей, раньше, чѣмъ побывалъ онъ на югѣ.

Н. Лернеръ.

КАРИКАТУРЫ ЛЬВА ВАКСЕЛЯ.

Карикатура, извѣстная еще и въ памятникахъ Египта, и въ эллинистическую эпоху греческаго искусства, проявившаяся и въ романскомъ, и въ готическомъ періодѣ, получила развитіе въ западной Европѣ особенно въ годы реформаціи и затѣмъ съ конца XVI вѣка стала завоевывать себѣ все болѣе и болѣе видное положеніе, постепенно переходя отъ церковныхъ темъ къ политической борьбѣ, къ бичеванію общественныхъ нравовъ, къ высмѣиванію тѣхъ или иныхъ историческихъ личностей, къ сюжетамъ, затрогивающимъ семейный укладъ, современныя явленія литературы и театра, къ злобамъ дня и проч.

Голландія, Франція, Англія и Германія были колыбелью этой новой карикатуры, которой дали значительный толчокъ впередъ Хогартъ, Джилльрей и Роулансонъ.

Русская карикатура, вначалѣ сплошь заимствованная и лишь поддѣлавшаяся къ роднымъ обычаямъ (напр. „Шемякинъ судъ“, „Мыши кота погребаютъ“ и др.), сдѣлалась самостоятельной только въ первой четверти XIX вѣка, благодаря А. Венеціанову и И. Терребеневу, зарисовавшимъ комическія сцены походной жизни въ Россіи Наполеона I.

Въ промежуткѣ между дѣятельностью этихъ художниковъ и выдающимися работами сатирика-жанриста П. А. Федотова выявилось прекрасное дарованіе Льва Николаевича Вакселя (1811—1885 г.).

Л. Н. Ваксель былъ сперва офицеромъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, потомъ, будучи контуженъ при Остроленкѣ, вышелъ въ отставку, отдавая весь свой досугъ охотѣ, литературѣ, рисованію и обширной перепискѣ съ С. Т. Аксаковымъ, И. С. Тургеневымъ и Фетомъ, которые очень его цѣнили.

Литературный его трудъ „Карманная книжка для начинающихъ охотиться съ ружьемъ и легавой собакой“ (1856 г.) выдержала пять изданій и пользовалась большой популярностью не только въ кругу специалистовъ, но и среди обыкновенныхъ читателей, такъ какъ легкой, образный языкъ ея настолько-же увлекателенъ, какъ и „Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи“, принадлежащая перу С. Аксакова.

О нихъ такъ писалъ Л. Н. Ваксель: „Аксаковъ до того искусно представилъ портреты птицъ, такъ вѣрно описалъ нравы и привычки, даже сумѣлъ показать, какъ нѣкоторыя изъ нихъ летаютъ, что, читая его книгу, не только видишь птицу, но слышишь ея полеть; такъ-бы, кажется, по ней и выстрѣлялъ. Одинъ охотникъ пресерьезно увѣрялъ, что его легавая собака тянетъ и стоитъ надъ *Записками Оренбургскаго охотника*“. С. Аксаковъ по этому поводу отвѣчалъ Л. Вакселю 9 июня 1856 г.: „Откровенно вамъ скажу, что никакія похвалы моей книгѣ не были мнѣ такъ пріятны, какъ ваши строки. Онѣ показали мнѣ, какъ охотники цѣнятъ мою книгу, помнятъ ее, говорятъ о ней. Вотъ все, что могъ желать. Стойка

собаки надъ моими ружейными записками—самое поэтическое выражение, самая высшая похвала. Отъ всей души благодарю охотника, сказавшаго эти дорогія для меня слова, и васъ, напечатавшаго ихъ. Мнѣ почему-то кажется, что вы-же сами ихъ сказали. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что книжка ваша—современный, серьезный и полезный подарокъ для охотника, что она написана понятно и проникнута чувствомъ истиннаго охотника. Книжка ваша имѣетъ одинъ и большой недостатокъ: она слишкомъ сжата, слишкомъ коротка".

Карикатурами Л. Ваксель началъ заниматься съ 30-хъ годовъ. Въ обширномъ музеѣ и архивѣ его семьи хранится богатый запасъ этихъ художественныхъ работъ, въ большинствѣ случаевъ исполненныхъ карандашомъ и лишь изрѣдка перомъ или красками.

Изображая какое-нибудь извѣстное лицо и умышленно подчеркивая его смѣшныя особенности, онъ всегда оставался изумительнымъ портретистомъ-рисовальщикомъ.

Излюбленной темой для его карикатуръ служили современные ему обыватели, вращавшіеся въ свѣтскихъ и дѣловыхъ кругахъ стараго Петербурга.

Подчасъ онъ любилъ къ очертаніямъ животныхъ присоединять головы общественныхъ дѣятелей, и въ этомъ отношеніи по своему таланту можетъ быть вполне приравненъ къ художнику-юмористу цвѣтущаго періода германской карикатуры А. Оберлендеру.

Разсматривая папку съ карикатурами Л. Н. Вакселя, невольно останавливаешься на нѣкоторыхъ изъ нихъ и вспоминаешь эпизоды, связанные съ ними, изъ далекаго прошлаго.

Вотъ акварельный рисунокъ—шаржъ, представляющій въ старости одного шутника Павловской эпохи, который, въ бытность свою еще молодымъ человѣкомъ, заспорилъ какъ-то съ товарищемъ, что дернетъ за парикъ высокопоставленную особу. На дежурствѣ во дворцѣ, во время какого-то торжественнаго выхода, онъ дѣйствительно воспользовался удобной минутой и исполнилъ свое намѣреніе.

Сверкнулъ, конечно, гнѣвный взоръ; но молодой шутникъ не растерялся.

— Паукъ былъ на парикѣ,—почтительно доложилъ онъ, зная, какъ высокая особа ненавидитъ пауковъ.

— А, благодарю!—послѣдовалъ милостивый отвѣтъ.

Далѣе въ карикатурахъ изображены родственники жены художника,—Александръ Плат. Платоновъ, бывший десятки лѣтъ царскосельскимъ предводителемъ дворянства, тотъ самый, что при Николаѣ I говорилъ о желательности освобожденія крестьянъ, а при Александрѣ II—о необходимости созыва земскаго собора, и Валерьянъ Плат. Платоновъ, бывший министромъ польскихъ дѣлъ.

Полны экспрессіи мазурка 30-хъ годовъ, гдѣ, очевидно, тоже схвачены живыя лица, и фигуры сидящаго за роялемъ пианиста со стекляннымъ глазомъ и деревянной ногой и гуляющаго въ накидкѣ съ папиромъ въ зубахъ отца писательницы О. А. Новиковой-Кирѣевой.

Великолѣпны типы провинціальнаго помѣщика добраго стараго времени, съ чисто гоголевскимъ налетомъ: 1) г. П. изъ Тамбова, „до 80 лѣтъ ни разу не умывавшійся“, какъ гласитъ ядовитая надпись на оборотной сторонѣ карикатуры, 2) другой землевладелецъ съ оригинальнымъ гербомъ, соединяющимъ кнутъ со счетами и денежными мѣшками, и съ изображеніемъ на животѣ

географической карты Тамбовской губерніи и 3) г. М.-Д., пріѣхавшій изъ Подольской губерніи въ Петербургъ на двѣ недѣли, но оставшійся въ немъ до 80-лѣтняго возраста,—большой жуиръ, сумѣвшій стать *habitué* во всѣхъ великосвѣтскихъ салонахъ столицы.

Забавенъ карикатурный портретъ одного петербургскаго купца, который вѣрилъ въ предразсудокъ, что не слѣдуетъ сниматься, такъ какъ былъ убѣжденъ въ томъ, что умретъ черезъ нѣсколько дней послѣ получения своей фотографіи. Л. Н. Ваксель сыгралъ съ нимъ шутку, имѣвшую, однако, печальный конецъ. Во время обѣда у пріятели, А. П. Миллюкова, историка русской поэзіи, гдѣ присутствовалъ, между прочимъ, и этотъ купецъ, онъ зарисовалъ его и затѣмъ незамѣтно положилъ рисунокъ подъ его тарелку. Коммерсантъ страшно взволновался и, дѣйствительно, по странной случайности, на третій-же день послѣ этого событія скоропостижно скончался.

Одинъ изъ монаховъ, пользовавшихся извѣстностью въ салонахъ 30-40-хъ годовъ, представленъ съ туловищемъ и хвостомъ козла, а одинъ изъ пажей изображенъ охотничьей собакой.

Братъ художника, Влад. Ник. Ваксель, также отличался дарованіемъ карикатуриста и, не имѣя правой руки, съ одинаковой ловкостью владелъ лѣвой, такъ что рисунки его нисколько не страдали отъ этого физическаго недостатка, поражая мѣткостью бѣглыхъ штриховъ. Въ нихъ не было, правда, того правильнаго рисунка, что у Льва Вакселя, но замѣчалось умѣнье передавать въ нѣсколькихъ линіяхъ характерныя черты изображаемаго лица. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ позднѣйшимъ карикатуристомъ, рано умершимъ А. Густавсономъ.

Скончался Л. Н. Ваксель 74 лѣтъ и похороненъ въ фамильномъ склепѣ въ Пожайско-Успенскомъ монастырѣ, въ 9 верстахъ отъ Ковны, тамъ же, гдѣ и свойственникъ его, А. Ф. Львовъ, авторъ русскаго національнаго гимна. Этотъ монастырь—прекрасный архитектурный памятникъ XVII вѣка, построенный итальянскими мастерами, вызванными польскимъ магнатомъ Пацомъ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

Карикатура на тамбовскаго помѣщика; гербъ, соединяющій кнутъ, счеты и денежный мѣшокъ; на животѣ карта Тамбовской губерніи...

„Фейерверкъ“, рис. К. Сомова.

(Изъ сборника „Книжка для чтенія Маркизы“).

„КНИЖКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ МАРКИЗЫ“.

Творчество Сомова соединяет исключительную сложность сказавшихся в нем стилистических влияний и отражений с мастерством самостоятельным и очень личным. Его идиллии, маскарады и арлекинады XVIII века носят печать самобытного творчества. Пусть их мотивы и аксесуары заимствованы от художественных (течений) прошлого, но эти драгоценные „*echos du temps passé*“ пережиты и воссозданы вновь. Сомов в противоположность некоторым своим сверстникам не археолог и компилятор, а фантаст, отличенный непримиримой конкретностью и точностью воображения. Его работы не „пастиши“, не достижения виртуозного подражания; то—осуществленные мечты.

Наряду с нарядной театральностью „рококо“, его пленяют в равной мере все изощренные и искусственные культуры. Он обязан многими побуждениями к творчеству мастерам японской гравюры на дереве XVIII века, с их утонченной и аристократической эротикой; быть может еще ближе, чем напр. Утамаро, для него гениальный английский график Бердслей, чье влияние определило развитие всего современного искусства иллюстрации. Сомов одна из наиболее замечательных фигур кружка „Мир Искусства“. Между тем, как столь близкий ему по своим „ретроспективным“ симпатиям Александр Бенуа ничем не обязан мимолетному пребыванию в школе, Сомов в течение нескольких лет был учеником Академии Художеств по мастерской И. Е. Рьпина. Если ему и удалось сохранить и развить, вопреки влиянию академического преподавания, свои интимные творческие наклонности, он, быть может, все же обязан школе некоторыми техническими навыками, а особенно внимательным изучением природы. В начале своей деятельности он немало поработал в области реалистической передачи пейзажа; лишь постепенно начал проникать в эти работы сентиментальный и иронический лиризм будущего мастера. Сомов никогда не был колористом по темпераменту, опьяненным цветом и светом. Правда, в раскраске своих живописных „библио“ он обнару-

жил изощренный и увлеченный вкус миниатюриста: некоторые из его картин сдержанно сверкают желтыми и зелеными тонами эмали. Но обаяние его творчества в тонком, прихотливом и „субтильном“, но удивительно точном штрихе: Сомов одно из величайших графических дарований наших дней. В этой области его известность выходит далеко за пределы России. Мало того: признанием на родине он до некоторой степени обязан успехам за рубежом. Так, в Германии его издавна привыкли читать, как одного из лучших представителей нашего искусства. Его имя известно каждому любителю, журналы, специальные и популярные, посвящали ему очерки; наконец, первая и в сущности, единственная о нем книга появилась в Берлине и написана профес. Оскаром Би. Не приходится удивляться тому, что из заграничной же инициативы возникла лучшая, пожалуй, иллюстрационная работа художника—расцветченные рисунки и виньеты для сборника Франца Блейля „Книжка для чтения маркизы“ („маленькая антология стихотворений, анекдотов и сцен „галантного“ века). По своей изысканной грации, по деликатной сдержанности эротических намеков, по сладостной чувственности, расцветающей как тепличный цветок, эти легкие подобия исчезнувшей эпохи пленяют неотразимо.

Здесь сказалось основное настроение творчества Сомова: праздничность, лишь слегка затененная инстинктивной меланхолией скептического ума. Через стриженные массивы боскетов и зеленый дерн влажных полей он перебрасывает великолпную дугу радуги. Еще миле ему ночные празднества в темных парках, золотая брызга и арабески фейерверка на ночном небе, темное плетение чугунных решеток у входа в освещенный сад, острые силуэты маскарадных фанташей, арлекинов итальянской комедии, томных прелестниц в фижамах и под маской, бросающих прихотливые тени на песок дорожек...

Из этого цикла Маркизы мы и извлекли нашу страницу.

А. Левинсон.

ПО ПОВОДУ ЦЫПЛЯТЪ

(фельетонъ).

Какъ то, уже давно, одинъ умный человекъ сказалъ мнѣ:

— Если у васъ такое настроеніе, что хочется разбить тарелку о чью нибудь голову, то собирайте вашъ большой чемоданъ и поѣзжайте куда нибудь далеко...

Тогда я писалъ объ этомъ. Я его тогда послушался, ибо мнѣ дѣйствительно хотѣлось разбить тарелку о чью нибудь голову. Послушался и былъ очень ему благодаренъ. Совѣтъ пригодился на всю жизнь. А вотъ теперь нельзя сложить чемоданъ и уѣхать. Почти всѣ пути закрыты. Единственный возможный путь на востокъ, и онъ съ такимъ отсутствіемъ комфорта, что подумаешь, подумаешь и не поѣдешь.

Членъ Государственной Думы Бубликовъ хотѣлъ внести маниловскій законъ о полномъ запретѣ выѣзда за границу и послѣ войны, чтобы не ввозить туда русскаго золота. Въ мемуарахъ 50-хъ годовъ мы читаемъ о томъ, какъ трудно было уѣхать за границу, нужна была чуть ли не личная воля Государя для того, чтобы разрѣшить или не разрѣшить выѣздъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. А раньше, при Павлѣ, когда путешествовалъ Демидовъ, или еще раньше, при Петрѣ Великомъ, когда ѣздили за границу Шереметевъ, это было обставлено еще большими затрудненіями...

Но, пока что, ѣхать почти невозможно.

На пожаръ бѣгутъ смотрѣть издали, но на пожаръ Европы, на эту страшную войну, не ѣдутъ смотрѣть даже американцы, и теперь, благодаря этому, налаживаются путешествія изъ Сѣверной Америки въ Южную и изъ Южной въ Сѣверную. Мы привыкли думать, что это почти одно и то же, Сѣверная Америка и Южная Америка. И то Америка, и другое Америка. На самомъ же дѣлѣ Южная Америка дальше отъ Сѣверной, чемъ отъ Европы. Въ Южной Америкѣ все наоборотъ, какъ въ Сѣверной.

Есть книга Хоурда—„Города—сады“. Мы едва ли доживемъ до городовъ-садовъ. А въ Англіи они

давно существуютъ. Читаешь Хоурда и думаешь— какъ странны люди! могли бы жить хорошо при тѣхъ же затратахъ, при томъ же трудѣ, а живемъ почему то плохо, хуже, чемъ кто либо...

Помню, какъ въ Санъ-Франциско мнѣ нуженъ былъ планъ города, онъ какъ то случайно вырвался изъ Бедекера. Я пошелъ въ книжный магазинъ покупать планъ. Плана случайно не оказалось, но приказчикъ, смѣясь, посоветовалъ мнѣ:

— Возьмите просто бумагу, разграфленную на квадратики, вотъ вамъ и планъ Фриско...

Приказчикъ былъ правъ. Не только Санъ-Франциско, но и много другихъ новыхъ городовъ Сѣверной Америки строятся именно такъ, и затѣмъ продольныя улицы называются—первая, вторая, третья и т. д., хотя бы до двухсотой, а поперечныя—авеню-первое, авеню-второе и т. д.

Потому что такъ строила города Сѣверная Америка, Южная стала строить иначе. Типъ южно-американскаго города такой: обыкновенно на берегу рѣки выбирается мѣсто для центра, отъ него расходятся по радиусамъ широкіе проспекты и по окружностямъ идутъ поперечныя улицы. Чемъ ближе къ центру, тѣмъ скученнѣе постройки, тѣмъ дѣловитѣе кварталы, и тѣмъ дороже, понятно. Въ самомъ центрѣ непременно большой паркъ, общественныя зданія, театры. Когда городъ очень разрастается, берутъ еще одинъ центръ и отъ него отводятъ по полукругности радиусы и по нимъ поперечныя улицы. Южно-американцы утверждаютъ, что ихъ типъ города гораздо красивѣе и гигиеничнѣе, нѣтъ этихъ сѣверо-американскихъ сквозняковъ по прямымъ улицамъ-щелямъ. Дѣйствительно „щели“, если принять во вниманіе высоту домовъ до 50-ти этажей. Когда съ верхушки скайскрэпера смотришь внизъ, вдоль улицы, она иначе не представляется, какъ щелью.

Южно-американцы относятся презрительно къ сѣверо-американскому вкусу и хотя въ Буэнос-Айресѣ, этомъ Парижѣ Южной Америки, и есть гостиницы въ 12 этажей, но это исключеніе и такой домъ всегда

стоит особнякомъ, его со всѣхъ сторонъ обвѣваетъ вѣтромъ и достаеъ солнце. Впрочемъ и у нихъ городомъ-садомъ пользуется пока только 1 изъ 1.000.

Многіе еще не доросли до сознанія, что стѣны дома непременно должны провѣтриваться и освѣщаться солнечными лучами. Мы не понимаемъ, что роскошныя квартиры на Сергіевской и Фурштадтской въ высокой степени антигигиеничны и скучны. Эти каменные коробки давятъ душу.

Въ Англии даже рабочій стремится занять непременно особнячокъ, хотя бы двѣ комнаты съ кухней.

* * *

Я кончилъ Петровскую Академію, но совершенно забылъ агрономію за шестнадцать лѣтъ и не помню, учили ли насъ этому или не учили. Надняхъ, сидя въ приѣмной зубного врача, я сталъ поневолѣ читать какой то сельско-хозяйственный журналъ; какая то помѣщица пишетъ о томъ, какъ она выводила раннихъ цыплятъ. Она непременно хотѣла вывести цыплятъ въ декабрѣ, въ январѣ. Высиживалъ инкубаторъ, которому совершенно безразлично время года, цыплята превосходно вылупливались изъ яицъ, первые дни чувствовали себя превосходно, но затѣмъ быстро хирѣли, у нихъ отнимались ноги, какъ у паралитиковъ, и они умирали. Помѣщица ломала голову. Стали выносить цыплятъ на солнце, куда то въ оранжерею, но и это не помогло, слѣдующая партія тоже издохла. Тогда настойчивая помѣщица рѣшила—можетъ быть цыплятамъ необходимо солнце на воздухѣ, безъ стеколъ, и, съ рискомъ заморозить, цыплятъ стали выносить во дворъ, сначала на десять минутъ, потомъ и больше. И получилось чудо—цыплята превосходно выросли, и въ декабрѣ, и въ январѣ. Что же оказывается?! Солнечные лучи, проходя черезъ стекла, теряютъ именно ту часть своего спектра, которая животворна для организма. Мало сидѣть на солнцѣ, нужно сидѣть во дворѣ, безъ стеколъ. Теперь подумайте, сидятъ ли когда нибудь обитатели роскошныхъ квартиръ на Сергіевской и Фурштадтской у себя во дворѣ? Впрочемъ, на этомъ дворѣ и нѣтъ солнца. Тамъ лежатъ дрова, сидятъ дворники и туда же выходитъ чадъ отъ кухонь, но солнце туда не попадаетъ, и вѣтеръ также.

По поводу цыплятъ это какъ будто пустяки, но вдумайтесь серьезно: если цыпленку нужны открытые солнечные лучи, то сколько же такихъ лучей необходимо организму человѣка, тѣмъ болѣе ребенка. Насколько мы были бы счастливы и здоровы, на-

сколько жизнерадостны были бы дѣти, если бы мы жили не въ роскошныхъ квартирахъ, обставленныхъ крайне неудобной старинной мебелью, на Фурштадтской и Сергіевской, а въ маленькомъ особнякѣ за городомъ, гдѣ есть вѣтеръ и солнце и гдѣ есть такой дворъ, на которомъ можно сидѣть, и гдѣ даже можетъ быть садъ...

Путешествіе дѣйствуетъ благотворно на человѣческой организмъ. О духовной сторонѣ нечего и говорить, но даже физическая сущность человѣка мѣняется отъ путешествія быстрѣе, чѣмъ отъ всякихъ лѣкарствъ, обмѣнъ веществъ идетъ несравненно энергичнѣе. Путешествуя, мы поневолѣ проводимъ время на воздухѣ и на солнцѣ, при путешествіи мѣняется атмосферное давленіе, что тоже оказываетъ большое вліяніе на организмъ. Утверждаютъ, что не меньшее значеніе имѣетъ магнитное напряженіе земной поверхности, весьма различное въ разныхъ частяхъ земного шара, и вотъ, можетъ быть, поэтому именно нужны далекія путешествія.

Теперь, когда нарождается новая электронная теорія, перестраивающая не только теоріи эфира и атомовъ, но даже и всю физику, химію, механику, мы, можетъ быть, подойдемъ къ еще болѣе удивительнымъ доказательствамъ необходимости путешествій. Эта новая теорія учитъ, что масса можетъ обращаться въ энергію, а энергія въ массу, что это единая электронная сущность міра, не только того, который мы знаемъ, но и всего остального, недоступнаго еще нашему пониманію. Эта теорія учитъ, что время не есть что то совершенно отдѣльное отъ пространства, а только одно изъ его измѣреній, четвертое измѣреніе пространства. Если одно и то же, части одной и той же сущности—время, пространство и матерія, то можетъ быть организму просто необходимо движеніе въ пространствѣ? по направленію къ магнитнымъ полюсамъ или перпендикулярно къ нимъ?..

* * *

Когда и кончится война, еще долго не наладится удобное сообщеніе по земному шару. Надежду на путешествіе приходится отложить еще на долго.

Небывалая война остановила побѣдное движеніе человѣка въ природѣ...

А можетъ быть это, какъ зажатая пружина, послѣ войны сразу выпрямится и двинется впередъ невиданнымъ ходомъ?!

Вл. Кривовъ.

(Изъ „Tout Paris“).

РОСКОШЬ И РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ

(архивная справка).

1661 годъ. Во Франціи умираетъ одна изъ крупнѣйшихъ фигуръ блестящаго вѣка Людовиковъ кардиналъ Мазарини. За девятнадцатилѣтнее правленіе всесильный министръ видитъ въ красивой жизни едва ли не могущественнѣйшій рычагъ своего политическаго вліянія. Людовику XIV уже пятнадцать лѣтъ, но царственный отрокъ сле-сле умѣетъ читать и писать. На замѣчаніе королевы-матери о ненормальности такого положенія, хитрый временщикъ отвѣчаетъ: „Не беспокойтесь, король будетъ знать больше, чѣмъ слѣдуетъ. И безъ того онъ забрасываетъ меня вопросами“. Въ тоже время вниманіе любознательнаго мальчика постоянно отвлекается придворными праздниками. Чтобы дать понятіе, какого они характера и во что обходятся государственной казнѣ, остановимся на описаніи современныхъ баловъ и

спектаклей. Обыкновенно каждый праздникъ начинается театральнымъ представленіемъ. Человѣкъ со вкусомъ, Мазарини умѣлъ придать имъ блестящую виѣшность. Родомъ итальянецъ, онъ выписывалъ изъ Италіи лучшихъ декораторовъ и машинистовъ. При немъ, напр. механической частью театра завѣдывалъ Торелли, а рисовалъ эскизы декораций и костюмовъ знаменитый Калло. О послѣднемъ современные хроники рассказываютъ удивительныя вещи. По случаю торжественнаго вѣзда во Флоренцію Федерико герцога Урбино, Калло придумалъ оригинальную процессію. На колесницѣ, влекомой четырьмя лошадьми, былъ изображенъ Атлантъ, поддерживающій на своихъ плечахъ земной шаръ; надъ титаномъ парила нимфа, а за колесницей шли великаны. Слѣдующая колесница представляла царство любви. Она заключалась въ

ВЫСТАВКА „МІРЪ ИСКУССТВА“ 1916.

Б. А. Григорьевъ—„Въ парижскомъ кафе“.

какомъ-то хаосѣ небесныхъ тучъ; когда эти тучи раздвигались, они обнаруживали маленькую группу амуровъ; подъ ними внизу находились три граціи, едва прикрытыя легкой дымкой. Но особенно великолѣпной показалась третья колесница. Она изображала море: девять тритоновъ свободно плавали въ огромномъ бассейнѣ; рядомъ возвышался чудесный храмъ изъ коралловъ и водорослей, на вершинѣ котораго въ царственной позѣ возлежала богиня Фетида.—Богатая фантазія итальянцевъ придавала ихъ затѣямъ необыкновенно яркія краски. Та же хроника, рассказывавшая о празднествѣ во Флоренціи краснорѣчиво свидѣтельствуеетъ и о балетахъ въ эпоху Регентства. Мазарини, чтобы поддерживать настроеніе Двора во время его борьбы съ Фрондой, устраивалъ зрѣлища, одно фееричнѣе другого. Особенно пышной выдалась постановка балета „Свадьба Пелея и Фетиды“, данный впервые 26 янв. 1654 г. Руководившій постановкой Торелли, по отзывамъ современниковъ, будто бы „превозмогъ самого себя“. Содержаніе балета, сочиненнаго sieur'омъ Бути, напоминаетъ довольно распространенные въ ту пору мифологическіе сюжеты. Фетида, любимая Юпитеромъ, вопреки собственному желанію, находитъ защиту въ ревнивой Юнонѣ. Боги готовы поссориться, но все кончается благополучно: Прометей освобожденъ, а Пелей женится на любимой дѣвушкѣ. Любовной парѣ покровительствуетъ Олимпъ. Понятно, не въ сюжетѣ заключалось дѣло. Балетъ долженъ былъ дать очарованіе для глазъ, волшебное зрѣлище, и въ этомъ отношеніи „Свадьба Пелея“, вѣроятно, отвѣчала своему назначенію. По крайней мѣрѣ современный хроникеръ сознавался, что по открытіи занавѣса, публика долго не могла опомниться отъ чуднаго видѣнія. Очень интересны были декорации. Въ первой картинѣ былъ представленъ Парнасъ, приблизительно 7 саж. вышины, расположенный на третьемъ планѣ сцены. У подножія его, среди зеленыхъ аркадъ, были протянуты три дорожки, обсаженные кудрявыми деревьями. Справа и слѣва видѣлись лѣса, имѣя наравнѣ съ ближайшими къ зрителю деревьями мифическія фѣи: Апидонъ и Онахонъ, опирающіяся на свои урны. Всѣ эти декорации перемѣшались съ дѣйствующими лицами. Такъ напр. надъ цвѣтущими аркадами возвышалась скала, покрытая лѣсомъ, которую поддерживали въ видѣ каріатидъ юный король и его свита. Съ теченіемъ дѣйствія картины мѣнялись. Они изображали: то мистическій гротъ Хирона, гдѣ благородный защитникъ Пелея звалъ на помощь чародѣевъ, то волнуемое море, откуда, по знаку Юноны, морское чудовище выбрасывало на землю злыхъ фурій. Не менѣе интересной представлялась картина, изображавшая античный праздникъ. Правда, античнымъ онъ былъ только по названію. Въ смыслѣ стіля, режиссеры той эпохи не стѣснялись какими-либо археологическими изысканіями; *souleur locale* не играла никакой роли. Если еще декорация слегка напоминала греческій амфитеатръ (площадь, вокругъ скамейки, далѣе ярусъ ложъ), то дѣйствующія лица вовсе уже не походили на древнихъ грековъ: это были придворные кавалеры временъ Генриха III, или Людовика XIII. Роскошь постановки заключалась въ матеріалѣ, изъ котораго были сдѣланы практикابلі: камень, а отчасти бронза.—Начиналось представленіе съ хора *нерейдъ*—онѣ прославляли короля и его царствованіе. Имъ аккомпанировалъ оркестръ, состоявшій изъ лютней и клавесинъ. Затѣмъ слѣдовали танцы, чередовавшіеся привѣтствіями въ стихахъ. Ихъ сочинялъ спеціалистъ въ этомъ жанрѣ Бенсерадъ. Особенностью этихъ стиховъ была характеристика танцующихъ, иногда очень колкая и двусмысленная. Такъ про красавицу, дочь маркизы Севиньи, онъ сочинилъ слѣд. стихи:

Belle et jeune guerriere, une preuve assez bonne
Qu'on suit d'une amazone et la régle et les vœux,
C'est qu'on n'a qu'un teton... je crois, Dieu me pardone,
Que vous en avez déjà deux...

Центромъ вниманія въ танцахъ былъ юный король. Людовикъ, вообще очень любившій танцы въ „Свадьбѣ Пелея“ исполнялъ чуть ли не десять полей: Аполлона, фурии, дріады, академиста, войну и т. д. Отъ его величества не отставали придворные. Фигурные танцы представляли большое разнообразіе. По словамъ современнаго поэта, здѣсь можно было найти самыя различныя аллегоріи.

La paix et la guerre,
L'air, la mer, l'enfer et la terre,
Flutes, trompettes et tambours,
Et demi-douzaines d'amorus,
Dans une rayonnante sphère.

До сихъ поръ мы ничего не говорили о костюмахъ. Они поражали неслыханной роскошью. Достаточно сказать, что у *нерейдъ* поверхъ бѣлой шелковой юбки была надѣта золотканная сѣтка, на головѣ діадема изъ цвѣтовъ и бѣлыхъ и красныхъ перьевъ. Также какъ въ декорацияхъ, не стѣснялись стілемъ костюмовъ. Музы, изображенныя знатными дамами, ослѣпляли брилліантами и жемчугомъ. Но особенно оригиналенъ былъ костюмъ короля въ роли Аполлона. На немъ было розовое трико и высокіе сапоги до колѣнъ, вышитые золотомъ и драгоцѣнными камнями. Поверхъ трико, отъ подборodka и почти до талии, шелъ камзолъ изъ тонкаго мусселина, опять таки расшитый золотомъ, брилліантами и рубинами. Волосы въ букляхъ, ниспадавшихъ до плечъ, украшала діадема изъ жемчуга и рубиновъ, съ огромнымъ султаномъ изъ бѣлыхъ и желтыхъ перьевъ.

Во что могли обходиться подобныя постановки? Точныхъ цифръ современники не приводятъ, но по нѣкоторымъ слагаемымъ, можно догадываться о суммахъ. Такъ напр., у маршала Бассомпьера былъ костюмъ изъ золотистой матеріи лиловаго оттѣнка. Для него потребовалось ни болѣе ни менѣе, какъ 50 фунтовъ жемчуга; одна вышивка костюма стоила 14 тысячъ экю (по нашему около 12 тысячъ рублей). Эти несмѣтныя богатства иногда расточались самымъ нелѣпымъ образомъ. Въ 1625 г. въ Парижъ пріѣзжалъ изъ Лондона Лордъ Букингамъ, уполномоченный своего правительства просить руки дочери Генриха IV, Генриетты французской, для англійскаго короля Карла I. Красавецъ собой, умный и эlegantный, Букингамъ быстро покорилъ сердца всѣхъ французскихъ аристократокъ. Но англичанину это показалось мало; ему хотѣлось привлечь на свою сторону и представительей другой половины челоувѣческаго рода. Однажды, на придворный балъ онъ явился въ костюмѣ, расшитомъ жемчугомъ. Послѣдній былъ завѣдомо плохо прикрѣпленъ къ матеріи, такъ что во время танцевъ рассыпался. Находившія жемчужины приносили ихъ лорду, но онъ съ очаровательной улыбкой просилъ нашедшаго сохранить ихъ себѣ на память. Всякое другое общество сочло бы такой поступокъ безтактнымъ и не простило бы его смѣльчаку, тѣмъ болѣе чужеземцу. Но французская аристократія того времени смотрѣла на вещи иначе и восхищалась. „Широкій жестъ“ иностранца поразилъ всѣхъ, а королеву Анну Австрійскую заставилъ взглянуть благосклоннѣе на ухаживанія юности...

Все театральное, внѣшне-эффектное и красивое было тогда въ почетѣ, распространяясь даже на самыя интимныя стороны жизни. Историкъ указываетъ, на примѣръ, на странный обычай, существовавшій относительно крестинъ въ домахъ богатыхъ итальянскихъ и французскихъ вельможъ. Въ этотъ день роженницу выставляли на показъ на особомъ парадномъ ложѣ. Для дочери Мазарини, вышедшей замужъ за герцога Бульонскаго, было придумано цѣлое сооруженіе. Кровать ея изображала раковину, словно погруженную въ морскія волны. Она поддерживалась четырьмя морскими конями, на коихъ возсѣдали четыре же сирены, выточенныя изъ дерева и украшенныя золотомъ. Вся обстановка дополнялась чудесными купидонами, служившими вмѣсто застѣжекъ для богатыхъ занавѣсей балдахина. Любопытно, что такая роскошь преспокойно мирилась съ внѣшними неудобствами жизни. Парижъ въ эту эпоху поражалъ своимъ неблагоустройствомъ. Улицы, самыя центральныя, были узки, плохо застроены и непроходимо грязны. Даже лѣтомъ мужины на улицу выходили въ высокихъ сапогахъ, женщины же предпочитали ѣздить, чѣмъ гулять. Освѣщеніе было самое скудное. Большая часть фонарей принадлежала частнымъ владѣльцамъ, или торговцамъ, да и то ночные гуляки заглавременно ихъ тушили. Личная безопасность гражданъ подвергалась серьезнымъ нападкамъ. Не проходило дня, чтобы, послѣ зари, съ обывателей не снимали пальто, выворачивали карманы, а оборонявшихся—убивали. Только влюбленнымъ современный Парижъ давалъ большія преимущества. Пользуясь ночью темнотой, какой-нибудь Ромео безопасно пробирался къ своей Джульеттѣ и, перекинувъ черезъ балконъ веревочную лѣстницу, стучался у завѣтнаго окна.

Контрастъ между богатствомъ и нищетой особенно ярко обнаруживался въ домашнемъ обиходѣ парижанъ. По словамъ автора хроники „L'Oeil de Boeuf“, блестящая внѣшность обывателей столицы, встрѣчалась лишь у дворянства. Обыкновенные буржуа были очень плохо одѣты; костюмы ихъ по фасону принадлежали минувшему столѣтію. „Отдѣльные классы населенія по прежнему различаются манерой одѣваться. Напримѣръ купцы носятъ въ своихъ конторахъ особаго рода жакеты, напоминающія короткія юбки“. Способы передвиженія были также разнообразны. Въ то время, какъ простой обыватель пользовался еще допотопной бричкой, аристократы разѣзжали въ чудесныхъ коляскахъ. Число ихъ прогрессивно увеличивалось. Въ 1663 г. такихъ экипажей насчитываютъ свыше двухъ тысячъ *). Чтобы покончить съ Мазарини, нужно сказать, что практически исползованіе имъ искусства не мѣшало кардиналу любить его вполне искренно. Живопись онъ даже обожалъ. Весьма трогательную исторію рассказываетъ по этому поводу врачъ кардинала Гено. Мазарини былъ уже смертельно боленъ, когда однажды Гено засталъ его одного въ картинной галлерей. Не замѣченный никѣмъ, Министръ перешелъ отъ одного полотна къ другому, подолгу останавливаясь передъ самыя любимыми. „Все это нужно покинуть“, тихонько бормоталъ онъ про себя, тамъ, куда я уйду, я больше ихъ не увижу“... Замѣтивъ доктора, онъ взялъ его подъ руку и, опираясь какъ на костыль, продолжалъ обзорѣе. „Какъ

* Черезъ сто лѣтъ въ Россіи повторилась та же самая исторія. Гардеробъ Императрицы Елизаветы насчитывалъ свыше 3000 платій, праздники ея отличались необыкновенной роскошью, между тѣмъ, вотъ что писала Екатерина II въ своихъ мемуарахъ: Зимой 1746 г. „было много маскарадовъ въ знатныхъ домахъ Петербурга, которые въ то время были очень малы.“

Дворъ и весь городъ обыкновенно собирались на эти маскарады. Послѣдній былъ данъ Татищевымъ, въ домѣ принадлежавшемъ Императрицѣ и называвшимся Смольнымъ дворцомъ. Середина этого деревяннаго дома сгорѣла, и оставались только двухъ-этажные флигели. Въ одномъ изъ нихъ танцовали, а въ другомъ приготовленъ былъ ужинъ, такъ что въ серединѣ января пришлось проходить черезъ дворъ по снѣгу; и послѣ ужина всѣ опять перешли въ первый флигель. Такое путешествіе не прошло даромъ для гостей. На другой день послѣ маскарада, Великій Князь (будущій Петръ III) заболѣлъ горячкой“. (Занькинскіи, стр. 32).

я все это люблю, говорилъ онъ, вотъ чудесный Корреджіо, вотъ „Венера“ Тиціана, а вотъ „Потопъ“ Антона Караціо. Увы, я пришелъ съ ними проститься и навсегда.

Въ эту минуту вошелъ дежурный офицеръ и доложилъ, что статсъ-секретарь желаетъ видѣть кардинала по неотложнымъ дѣламъ. Мазарини вскипѣлъ. „Скажите ему, чтобы онъ обратился къ королю. Я не могу его принять. У меня въ голову сейчасъ гораздо больше серьезныхъ заботъ, чѣмъ интересы государства“...

Человѣкъ, думая о картинахъ наканунѣ смерти, — развѣ не яркій примѣръ того, что искусство можетъ быть выше свѣтской прихоти?

Привычки, усвоенныя съ дѣтства, обыкновенно кристаллизуются, превращаясь въ характеръ. Людовикъ XIV, съ малолѣтства привыкшій смотрѣть на жизнь какъ на вѣчный праздникъ, не измѣнилъ этому взгляду и по достиженіи зрѣлаго возраста. Напрасно осторожный Кольберъ, смѣнившій расточительнаго Фуке по управленію финансами, предупреждалъ короля о денежныхъ затрудненіяхъ казны. Юный монархъ, въ душѣ сочувствовавшій министру, не могъ по шущему вельнью отказаться отъ той манеры жить, которую въ теченіе многихъ лѣтъ увлеченно прививалъ ему Мазарини. Многія изъ этихъ привычекъ стали неотъемлемой принадлежностью Двора, его этикетомъ. Нельзя сейчасъ удержатъ улыбку при описаніи церемоніала, сопровождавшаго утренній туалетъ короля. По словамъ современника, онъ долженъ былъ напоминать прежнее рыцарство. Едва король выходилъ изъ кровати, какъ оберъ-камергеръ, или дежурный камеръ-юнкеръ, торжественно облекали его въ халатъ, бережно поддерживаемый камеръ-лакеемъ. Затѣмъ когда наступало время одѣваться, тотъ же церемоніалъ сопровождалъ мельчайшія подробности туалета. Денная рубашка подавалась королю двумя камеръ-лакеями. Одинъ изъ нихъ пристегивалъ ему правой рукавичкѣ, другой — лѣвой. Особое лицо завязывало ему галстукъ. Единственно что *дозволялось* королю дѣлать самостоятельно, это надѣвать такъ называемыя *hauts de chausses*, по нашему брюки. Впрочемъ и при такой операціи, высшіе чины двора должны были присутствовать обязательно: отсутствіе кого либо изъ нихъ три дня кряду, считалось признакомъ опалы. Подобный же этикетъ полагался и для королевы. Нужды нѣтъ, что стыдливая Марія Терезія всячески отклоняла эти обязанности. Людовикъ, искренно любившій жену, особенно въ первые годы своей женитбы, ни за что не согласился отмѣнить установленныя имъ правила. Бѣдная женщина съ самаго утра должна была подвергаться истязаніямъ всякаго рода статсъ-дамъ, камергеръ-юнгефъ и, *horribile dictu*, придворнаго портного. Послѣдній собственноручно шинуровалъ королеву, считая эту обязанность присущей его сану.

Естественно, что отъ интимныхъ сторонъ придворной жизни, такіе порядки распространились и на ви́шнее ея обличіе. Людовикъ XIV, самолюбивый отъ природы, не допускалъ, чтобы кто нибудь изъ простыхъ смертныхъ, не исключая министра или другаго сановника, устраивалъ праздники, качествомъ своимъ превосходящіе придворные. Такой смѣльчакъ вызывалъ антипатію короля, а иногда, какъ Фуке, платился всей своей карьерой. Сотруднику Мазарини, уже послѣ его смерти, пришлось въ голову дать въ 1661 г. блестящій праздникъ въ собственномъ замкѣ, въ Во (Vaux). По общимъ отзывамъ онъ отличался неслыханнымъ великолѣпіемъ. Достаточно сказать, что каждый изъ участниковъ вечера нашелъ въ своей комнатѣ, подъ подушкой, мѣшечекъ съ золотомъ. Такимъ способомъ хитрый царедворецъ давно уже приобрялъ себѣ друзей среди придворной знати. Однако, на этотъ разъ у него не было больше за спиной могущественнаго защитника — кардинала. Король, присутствовавшій на праздникѣ, остался имъ чрезвычайно недоволенъ. Прежде всего, конечно, поразило его великолѣпіе торжества. Затѣмъ, кто-то изъ современныхъ Яго обратилъ его вниманіе на загадочную надпись на одномъ изъ фронтоновъ замка. Скульпторъ изобразилъ льсую бѣлку и подъ ней девизъ: „*quo pop ascendam*“ (куда я только не влѣзу?). Все это послужило поводомъ для конфиденціальной бесѣды Людовика съ королевой-матерью.

— Замѣтили ли вы, сударыня, невозможную роскошь этого господина, — сказалъ онъ Аниѣ Австрійской — доколѣ мы будемъ терпѣть всѣ эти безчестія и не пресѣчемъ ихъ въ корни?

„Куда я только не влѣзу?“ Боже мой! Онъ перестанетъ лѣзть, ибо я ему сломаю ноги. Сегодня же ночью я прикажу его арестовать...“

По настоянію Анны арестъ былъ отсроченъ, но все же судьба Фуке была предрѣшена въ этотъ вечеръ.

Едва ли, однако, король имѣлъ основаніе бояться конкуренціи. Характеръ устроенныхъ имъ праздниковъ, щедрость, которую онъ расточалъ относительно приглашенныхъ, исключали всякую возможность подражанія. Самый обыкновенный вечеръ заключался лоттереей, гдѣ на тысячу билетовъ только двадцать попадалось пустыхъ. Между тѣмъ выигрыши состояли изъ золотыхъ вещей, драгоценныхъ камней, жемчужныхъ ожерелій и пр. Когда участники не располагали достаточными средствами на туалеты (такой случай упоминается по поводу одного маскарада 1683 г.), то король приказывалъ имъ послать соответствующія суммы. Нѣчто похожее происходило съ театромъ, устроеннымъ Петромъ Великимъ. Недостатокъ въ „зрителяхъ“ заставлялъ Петра прибѣ-

гать къ понудительнымъ мѣрамъ, въ томъ числѣ и къ уплатѣ публикѣ особаго вознагражденія за посѣщеніе спектаклей. Этотъ своеобразный культъ праздниковъ заставлялъ иногда смотрѣть сквозь пальцы на свойства ихъ участниковъ. Маскарадъ, о которомъ я только что упоминалъ, ознаменовался между прочимъ скандаломъ съ однимъ офицеромъ. Во время танцевъ у него украли кошелекъ. Король, узнавъ объ этомъ происшествіи, щедро вознаградилъ потерпѣвшаго.

Празднества не ограничивались однимъ Парижемъ. Когда Дворъ куда нибудь переѣзжалъ, по случаю ли войны, или по другимъ причинамъ, то характеръ его времяпровожденія оставался неизмѣннымъ. Хроникеръ даже отмѣчаетъ любопытный контрастъ между блестящей внѣшностью Двора и боевой обстановкой походной жизни. Во время похода во Фландрію, въ 1667 г., современнику казалось, что ѣдутъ не на войну, а на веселый пикникъ. „Вслѣдъ за нашими войсками тянется больше колясокъ, чѣмъ пушекъ“, говоритъ онъ. Придворный этикетъ при такихъ условіяхъ ничуть не мѣнялся, Король по прежнему соблюдалъ положенный имъ церемоніалъ. Какъ и въ Парижѣ происходятъ большіе и малые выходы, приемы пословъ и т. д. *). Придворный штатъ изобилуетъ дамами. Ароматъ ихъ духовъ часто сливается съ запахомъ порохового дыма. Нѣжный шопотъ сердечныхъ изліяній чередуется съ артиллерійскими залпами. Иногда прекрасный полъ заставлялъ о себѣ говорить больше, чѣмъ о военныхъ подвигахъ. Графиня Б. рассказываетъ пикантную исторію, какимъ образомъ одна богатая вдова, изъ любви къ прекрасному мушкетеру, обмундировала весь его взводъ. Рѣчь шла о кавалерѣ д'Артаньянѣ, честномъ, но бѣдномъ юношѣ. Скромный достатокъ его не позволялъ кавалеру подражать богатымъ товарищамъ, которые на собственные средства экипировали цѣлыя полки. Самолюбіе юноши страдало, но судьба скалилась надъ нимъ. Однажды у палатки его остановилась великолѣпная коляска, откуда вышла таинственная незнакомка. д'Артаньянъ узналъ въ ней свою даму. Изумленію его не было границъ, когда дама рассказала о цѣли своего приѣзда. Она не хочетъ, чтобы любимый человѣкъ былъ униженъ сравнительно съ другими. Его отрядъ одѣтъ бѣднѣе, чѣмъ сосѣдніе, поэтому она рѣшила его сполна экипировать и возы съ обмундировкой слѣдуютъ за ней. Напрасно благородный кавалеръ протестовалъ противъ такой мѣры. Энергичная вдова не только не допускала возраженій, но самолично примѣрила мундиры и тотъ, что былъ коротокъ, или узокъ, увезла обратно для пердѣлки. На другой день, на смотру, король былъ изумленъ шикарной внѣшностью мушкетеровъ. Конечно, о щедрости вдовы онъ узналъ тотчасъ же, но, щадя рыцарскіе чувства д'Артаньяна, не настаивалъ на раскрытіи *incognito*. Впрочемъ, стоустая молва немедленно разнесла эту исторію по арміи. Добралась она и до салоновъ, гдѣ великосвѣтскіе остряки сразу прозвали извѣстную часть мужского туалета „вдовими дѣтьми“ или иначе: „*haut de chausses des amours*“.

Черезчуръ роскошная, несообразная со средствами, жизнь французскаго двора, должна была неизбежно привести къ финансовому краху. Въ началѣ 1678 г. государственная казна была въ полномъ истощеніи. Между тѣмъ въ августѣ того же года необходимо было чѣмъ нибудь ознаменовать заключенный съ Нидерландами въ Нимвегенѣ мирный договоръ. Объ этомъ больше всего хлопотали придворные Людовика. Но Людовикъ колебался. Онъ слишкомъ хорошо зналъ собственные финансы, чтобы заикаться о какихъ либо увеселеніяхъ своему *Controleur général*. Однако, Кольберъ предупредилъ его желаніе. Къ удивленію Людовика, онъ не только сочувствовалъ затѣѣ, но находилъ, что суммы на нее ассигнованныя не соответствуютъ грандіозности замысла. Мысль его складывалась иначе. По его мнѣнію, только истинно чудесный праздникъ можетъ привлечь вниманіе всей Европы, въ томъ числѣ всей номѣстной французской знати. Дѣйствительность не обманула его ожиданій. Едва газеты разнесли вѣсть, что король устраиваетъ праздникъ, какъ въ Парижѣ со всѣхъ сторонъ потянулись иностранцы и знатные провинціалы. Въ нѣсколько недѣль парижскія улицы нельзя было узнать. Поднялась горячка, знакомая обывателю только передъ большими праздниками. Артисты, художники, купцы и рабочіе буквально сбились съ ногъ, чтобы удовлетворить многочисленныя требованія. Но хитрому министру это показалось недостаточнo. Чуть ли не наканунѣ дня, назначеннаго для праздника, онъ уговорилъ короля отложить его еще на двѣ недѣли, а тѣмъ временемъ дать экстренный балъ въ Тюльери. Разсчесть быть ясенъ. Тѣ, которые приготовили туалеты для карусели, покажутъ ихъ на балу, а на карусель придется заказывать новыя, т. е. вновь тратиться, бѣгать по магазинамъ, и т. д. Результаты такой системы не замедлили сказаться. Когда король освѣдомился у министра, во что обошлись празднества, Кольберъ показалъ ему балансъ, гдѣ поступления превышали расходы лишь на милліонъ ливровъ. Говорятъ, Людовикъ оцѣненъ. „Непостижимый человѣкъ — воскликнулъ онъ, обнимая Кольбера — вы постигнѣ мое богатство; только васъ нельзя до конца *исчерпать*“.

Такимъ образомъ и роскошь, умѣло использованная, можетъ быть во благо государству!..

Dig.

*) Въ числѣ посольствъ, Людовикъ XIV принималъ въ 1685 г. московскій (les moscovites). Наши соотечественники поразили французовъ игрою въ шахматы. По словамъ хроникера, никто не могъ состязаться съ ними въ этомъ искусствѣ.

ГЕММЫ И КАМЕИ.

Среди большого числа коллекционеров рѣдкостныхъ предметовъ отдѣльное мѣсто занимаютъ собиратели геммъ. Иная такая даже небольшая коллекція стоитъ часто цѣлой картинной галлереей: всѣ эти предметы, большей частью, цѣнные уже по одному своему материалу, перешли къ намъ въ массѣ своей изъ отдаленныхъ временъ, достигая иногда, какъ это мы видимъ на египетскихъ и ассиро-вавилонскихъ геммахъ, тысячелѣтій до нашей эры. Всѣ онѣ сохранились въ цѣлости, неповрежденными. И какъ ни хороша безсмертная Венера Милосская, а все же она только „безрукая красавица“, беспомощно глядящая на своихъ обожателей, лишенная одной изъ наиболѣе эстетичныхъ частей женскаго тѣла... Геммы, наоборотъ, не утаили отъ насъ что либо достойное вниманія, воспроизвели во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ картины прошлаго. Такъ, по геммамъ удалось воспроизвести множество подробностей домашней обстановки и общественной жизни античнаго міра, знаменитыя зданія, статуи, даже картины, не говоря уже о возстановленіи портретовъ историческихъ лицъ.

Геммы—это исторія въ смыслѣ ея иллюстраціи и отраженія, не одно только художество, доведенное до высшей техники и одухотворенности. Не будь геммъ древности, для насъ пропали бы навсегда представленія о многихъ памятникахъ и чудесахъ античнаго міра, какъ храмъ Діаны Эфесской, Аполлонъ Милетскій или портреты такихъ лицъ, какъ Александръ Македонскій, Птолемей Филадельфъ, его сестра и жена Арсиноэ, исчезнувшія картины, какъ „Апотеоза Августа“, воспроизведенная на знаменитой Августовской геммѣ, совсѣмъ разрушенныя зданія „Римскаго Форума“, отъ которыхъ остались лишь отдѣльныя колонны, архитравы и цоколи, какъ Basilica Sulia, Rostrae. На геммахъ же отразилась жизнь древняго Востока, ихъ первой родины, и многіе современные ориенталисты, какъ Мариеттъ, явились не только учеными знатоками и писателями о геммахъ, но собирателями геммъ и владельцами знаменитыхъ коллекцій. Недаромъ одинъ изъ выдающихся представителей эпохи ренессанса, Скалигеръ выразился о геммахъ, которыя ревностно самъ изучалъ въ качествѣ ученаго лингвиста и философа: „надо удивляться, сколь много неизвѣстнаго для нашего знанія и пониманія заключаютъ въ себѣ геммы“.

* * *

Съ незапамятныхъ временъ человѣчество цѣнило дорогіе камни за ихъ красоту, блескъ и твердость. Не довольствуясь одними природными качествами драгоценныхъ камней, древніе стали прибѣгать къ ихъ обработкѣ, выразившейся на первыхъ же порахъ въ изображеніи на отшлифованной плоской части камня разныхъ предметовъ, животныхъ, лицъ и сценъ. Такіе гравированные камни назывались также геммами: это римское ихъ названіе (gemmae sculptae, т. е. рѣзные камни), подобно тому, какъ болѣе древнее, греческое ихъ названіе—*анаглифы*.

Вначалѣ геммы выгравировывались на манеръ печатей—*во внутрь* (en creux). Долгое время послѣдними только и ограничивались всюду, не зная другихъ геммъ. Но послѣ эпохи Александра Македонскаго (т. е. IV в. до Р. Хр.), въ Греціи появились геммы иного рода,—рельефы, или по-гречески *эктипы*, выпуклыя геммы римлянъ (gemmae coelatae). Новѣйшая употребительная итальянская терминологія называетъ первую—*intaglio*, а вторую—*cameo*. У насъ, согласно этой классификаціи, усвоенны названія гемма—инталіо и камеи. Самое же искусство рѣзбы на драгоценныхъ камняхъ называется (отъ греческаго) *глиптикой*, съ каковымъ осталось и понынѣ.

Насколько геммы—*intaglio* были всегда незначительны по размѣрамъ, заслуживъ даже на Востокѣ, у египтянъ, финикийцевъ и этрусковъ, названіе *скарабеевъ* (scarabée), т. е. жучковъ, настолько камеи, явившіяся какъ бы протестомъ противъ малыхъ размѣровъ камня, препятствующихъ болѣе широкому взмаху художественной композиціи и фантазіи и ограничивающихся исключительно преодоленіемъ техническихъ трудностей, нерѣдко значительной величины. Такъ они достигаютъ: 5-ти дюймовъ, какъ гамбургскій ониксъ, — Семейство Клавдія, — 7-ми дюймовъ, какъ петроградская „Мальмезонская гемма“ (Gemma Gonzaga), 9-ти дюймовъ, какъ вѣнская „Августовская гемма“ (Gemma Augustea), 13-ти дюймовъ, какъ парижскій Агатъ Тиверія (Achates Tiberianus) и даже 15-ти дюймовъ, какъ камеи кардинала Карпеня (Cameo Carpegna), самый большій изъ всѣхъ. Если анаглифы составляли по преимуществу печати (перстневныя) и перстни вообще, а въ качествѣ цилиндрическихъ или конусообразныхъ халдейскихъ и ассиро-вавилонскихъ геммъ изображали талисманы, амулеты и предметы древнѣйшей магіи, культа Ваала и Ормузда, то эктипы или по-нашему *камеи* дѣлаютъ значительный шагъ впередъ, являя образцы чистаго художества, безъ какой либо утилитарной цѣли. До насъ дошло множество анаглифовъ и сравнительно немногихъ камеевъ: очевидно, употребленіе первыхъ было шире.

Для геммъ выбирали блестящіе, съ яркою окраскою, полудрагоценные камни, хотя и отличающіеся твердостью, но уступаю-

щіе въ этомъ отношеніи благороднымъ камнямъ — алмазу, сапфиру, рубину и изумруду. Древніе цѣнили послѣдніе камни за ихъ относительную рѣдкость и природную красоту, и потому считали грѣхомъ уменьшать ихъ достоинство излишнимъ украшеніемъ, то есть гравированіемъ на нихъ рисунка. Это подтверждаетъ Плиній (XXXVII, 1), оставившій въ отношеніи геммъ древности одинъ изъ самыхъ полныхъ и драгоценныхъ материаловъ. Наиболѣе употребительными были для геммъ: яшма всѣхъ цвѣтовъ, особенно въ Египтѣ, халцедонъ и всѣ многочисленныя его разновидности какъ агатъ, карнеоль, ониксъ, сардониксъ, рѣже аквамаринъ и аметистъ. Въ интересной монографіи о примѣненіи халцедона въ искусствѣ (журн. „Старые Годы“, III, 1916) бар. А. Фелькерзамъ приводитъ составленную имъ систематическую таблицу, выясняющую взаимное отношеніе породъ этихъ полудрагоценныхъ камней, изъ которыхъ приготовляли, между прочимъ, геммы. Это—всѣ группы кварца—*горный хрусталь, яшма и халцедонъ*. Къ послѣднему онъ причисляетъ такіе наиболѣе употребительные въ глиптикѣ камни, какъ *карнеоль* (cornaline) или красный халцедонъ, греческую *плазму*, похожую на зеленую яшму и долгое время известную только изъ римскихъ раскопокъ, затѣмъ агатъ, ониксъ и *гелотропъ*, называемый также *кровяной яшмой* (jaspe sanguin)—камень съ красными крапинками, изъ которыхъ граверы умѣли извлекать удачныя эффекты. Примѣръ бирюзовой геммы, кажется, единственный въ вѣнской коллекціи. Алмазы никогда не поддавались ни шлифовкѣ, ни гравировкѣ, вплоть до XV в., когда первый *Louis de Berquen* изъ Брюжа, въ 1476 году, открылъ способъ ихъ шлифовки. Для камеевъ обыкновенно выбирали крупныя, по возможности дорогіе камни съ нѣсколькими слоями, съ тѣмъ, чтобы художникъ имѣлъ возможность ихъ использовать для разныхъ эффектовъ. Такъ, напр., мы часто видимъ на темномъ, нижнемъ фонѣ коричневатой или красноватой онисовой или агатовой геммы совершенно свѣтлый профиль лица, исполненнаго на верхнемъ слой камня. Послѣдніе бывають съ жилками, отѣнками, полосами и проч. Мы имѣемъ многіе примѣры двуслойныхъ и трехслойныхъ камеевъ, какъ, напр., петроградскій „Мальмезонскій камеи“, но бывають и пятислойные, какъ „камеи кардинала Карпеня“. Не подлежитъ сомнѣнію, что такіе камни, какъ яшма, агатъ и ониксъ, могли быть довѣряемы для обработки только выдающимся артистамъ, заявившимъ себя уже раньше замѣчательными работами, какими, очевидно, и являются авторы знаменитыхъ камеевъ, оставшіеся, къ сожалѣнію, неизвѣстными... Это приводитъ къ мысли, подтверждаемой, впрочемъ, и писателями древности, что уже въ значительно позднѣйшую эпоху, въ первая времена цезаризма и даже послѣ, въ Римѣ существовало не мало выдающихся художниковъ, могущихъ, соперничать съ такими знаменитостями Греціи, какъ Фидій и Скопастъ.

Что касается природной красоты самихъ драгоценныхъ камней, то Плиній приводитъ преданіе, по которому, якобы, Пирръ, царь Эпирскій, извѣстный своей „пирровой“ побѣдой надъ римлянами, обладалъ перстневой геммой съ такимъ негравированнымъ агатомъ, на которомъ сама природа изобразила всѣ девять музъ, съ ихъ обычными атрибутами и среди нихъ Аполлона съ китарой XXXVII, 3). Въ этой области вообще много легендъ.

* * *

Первыя геммы, какъ было сказано, произошли изъ Египта: на нихъ мы видимъ изображенія государственной египетской эмблемы—сокола, урея и „полеть“ (два крыла). Это преимущественно скарабей, которыхъ много было открыто при раскопкахъ археолога *Cesnola* въ Камирѣ на островѣ Кипрѣ. Изъ Египта обычай носить перстневныя геммы быстро распространился на всемъ Востокѣ, главнымъ образомъ, въ Ассиріи и Вавилонѣ, бывшихъ долгое время подъ властью египтянъ. Здѣсь появились геммы-талисманы, цилиндрическія и конусообразныя, впоследствии, подъ вліяніемъ культа Митры, еще такъ называемыя *Абракосовыя* геммы (отъ имени Абракса) символическаго характера, а еще позднѣе *Сассанидовы* геммы и др. Отсюда онѣ были усвоены финикийцами, распространившими ихъ по всему извѣстному тогда міру, привозившими ихъ къ евреямъ, знавшимъ геммы еще изъ Египта, затѣмъ перевезшимъ геммы въ Грецію, а оттуда въ Италію. Такъ появились этрусскія геммы, достигшія высокаго совершенства. Однако, вскорѣ выяснилось, что греческое искусство и въ области геммъ достигло такихъ успѣховъ, что навсегда закрѣпило за греческими граверами на камнѣ, или какъ ихъ называли „дактилографами“ (отъ дактилосъ — палець, въ зависимости отъ носимыхъ на пальцахъ геммовыхъ перстней), славу, наиболѣе искусныхъ и непревзойденныхъ. Уже въ римскую императорскую эпоху въ Италиі не переставало работать множество греческихъ артистовъ, имена которыхъ дошли до насъ, хотя и безъ всякихъ болѣе точныхъ о нихъ свѣдѣній. Насколько рано развилось въ Греціи это искусство, свидѣтельствуетъ легенда о знаменитомъ Поликратовомъ перстнѣ. На островѣ Самосѣ геммы выдѣлывалъ одинъ изъ первыхъ *Мнезархъ*, отецъ извѣстнаго математика Пиагора. Послѣ него здѣсь образовалась цѣлая школа артистовъ-граверовъ, VII и VI вв., изъ

которой вышел знаменитый *Теодорос*. Ему приписывают изготовление знаменитого Поликрата перстня, имевшего громадную, по тогдашним временам, цену, исполненного на изумруд невиданной еще величины. Гемма изображала квадригу или колесницу, запряженную четырьмя лошадьми, столь малых размеров, что муха могла закрыть ее своими крыльями. Это не мешало, однако, изображению ярко выдвигать-

портретов царя красками. После смерти Александра искусство глиптики расцвело при Селевкидах и Птолемах. Из этой эпохи происходит знаменитая „гемма Гонзага“ (она же Мантуанская). У нас ее называют также „Мальмезонским камнем“, в память дворца Malmaison в Париже, где эта гемма была подарена экс-императрицей Жозефиной Императору Александру I, при посещении ее во время болезни в 1814 г. Этот превосходный, чудной работы, камей больших размеров (6,2 дюйма высоты на 4,6 д. ширины) представляет овальный, трехслойный *оникс*, на котором неизвестный, но, как видно по замыслу и высокой технике работы, первоклассный артист изобразил на темном слое нижнего фона камня соединенные профили мужчины в шлем и доспехах и женщины большой красоты, по мнению археологов, портреты Птолемея II *Филадельфа* (285—247 до Р. Хр.) и его сестры и жены Арсинои. Это тот самый царь Египта, который построил в порте Александрии знаменитый маяк, признанный одним из 7-ми чудес мира.

В Риме страсть к геммам особенно развилась после восточных походов Помпея и Лукулла, причём первым из них привезена была из М. Азии славившаяся во всем Востоке гро-

„Спорь Посейдона с Афиной“: Посейдонъ замахивается на Афины камнемъ, Афина указываетъ рукою на ползущую въ ея защиту змѣю. Гемма парижскаго „Кабинета медалей“.

Гемма, изображающая Амура съ голубкомъ, съ надписью *Guay P.*, исполненная мадамъ де Помпадуръ и ея учителемъ Жакомъ Гюз. (Парижскій „Кабинетъ медалей“).

Гемма — портретъ Людовика XIV въ золотой оправѣ, работы Жака Гюз (*Jacques Guay*) — на халцедонѣ, XVIII в. (Парижскій „Кабинетъ медалей“).

Портретъ Августа, гемма окруженная брилліантами средне-вѣковой работы. (Парижскій „Кабинетъ медалей“).

„Мальмезонскій камень“ или „Гемма Гонзага“ (*Gemma Gonzaga*), также „Мантуанская“: *оникс*, около 7 д. выш., съ профилями Птолемея II Филадельфа и его сестры и жены Арсинои. Эпоха послѣ Александра Македонскаго. (Императорскій Эрмитажъ въ Петроградѣ).

ся со всеми подробностями. Впрочем, еще гораздо раньше Поликрата греческая мифология приписывала инициативу ношения на пальце перстня с геммой Прометею, прикованному к скале Кавказа, у которого прилетавший орел Зевса клевал сердце. Весьма странно, что при всем том, о геммах нет ни помину в произведениях Гомера, столь обстоятельно описывающего, однако, мельчайшие подробности домашней обстановки древних и их быта.

Во времена Александра Македонского известнейшим художником *Пиргоделес*, получивший от гордаго царя привилегию на право исключительнаго изготовления его портретов на геммах, подобно такой же привилегии, данной живописцу Аппелесу относительно

мадная драгоценная коллекция Понтийскаго царя Митридата, свергнутого Помпеем и лишившаго себя жизни. В это время в Риме уже существовала большая коллекция гемм *Скавра*, сына Суллы, которую, однако, затмили геммы Митридата. Римляне стали увлекаться не только ношением гемм с изображением родовых эмблем, чего-то в роду теперешних гербов, портретов и мифологических сцен, но также коллекционированием гемм, и вскоре эта мода привела к учреждению богатых общественных коллекций, обыкновенно приносимых в дар храму или божеству. Так, Помпей, носивший на перстне гемму с трофеем, принес коллекцию Митридата в дар Капитолию. Юлий Цезарь, желавший затмить своего соперника, подарил также все собранные им большие коллекции гемм храму своей патронессы Венеры-родительницы, имея сам на перстне изображение. Подобно тому, как Сулла носил гемму с портретом покореннаго Югурты, Меценат — лягушку, Август носил фамильный перстень с изображением козерога, а Гальба, сменивший Нерона, такую же родовую свою гемму с изображением собаки, выходящей из носа корабля, точ-в-точь, как на средневековых гербах, с которыми геммы имеют несомненную связь, как сицилистика (сфрагистика) вообще.

Во времена Августа, последовательно носившаго разные геммы — со сфинксом, надлавшим в свое время много шума за свой странный символизм и подвергшийся насмешкам, а потом с своим портретом, особенно выдвинулся художник, грек по

Финикийскій скарабей — въ видѣ агатовой печати, съ египетскими эмблемами (соколъ и урей) и надписью финикийскими буквами: „Абд-бааль“. (Парижскій „Кабинетъ медалей“).

происхожденію, *Диоскуриды*. До насъ дошло только нѣсколько, безспорно признанныхъ его работы геммъ. Къ эпохѣ Августа принадлежатъ двѣ знаменитыя большія геммы: вышеупомянутая *Августовская* вѣнской коллекціи, на ониксѣ, и *Агатъ Тиверія*, въ Парижѣ. Обѣ онѣ, какъ надо полагать, *копіи* знаменитыхъ въ ту эпоху картинъ, уже до насъ не дошедшихъ. На всѣхъ этихъ геммахъ, на которыхъ выгравировано много фигуръ (на *Августовской* — до 20-ти), всѣ мельчайшія подробности костюмовъ, черты лицъ, волосы, предметы исполнены съ удивительнымъ искусствомъ и, надо полагать, сходствомъ лицъ съ ихъ оригиналами. Это портреты Августа, Германика, Тиверія, а на Парижскомъ агатѣ — еще Ливія, Мессалина старшая, Друзъ II, Калигула. Такъ же точно поражаетъ тонкостью отдѣлки „*Гамбургскій ониксъ*“, съ семействомъ Клавдія: Клавдій, Мессалина, а напротивъ — Тиверій и Ливія, — прекрасно исполненные портреты. *Августовская* гемма была привезена во Францію рыцарями — Тамплерами, нашедшими ее, якобы, въ Иерусалимѣ, но вѣрнѣе — похищенными ея при разграбленіи латинянами-крестоносцами въ 1204 г. геммовыхъ сокровищъ византійскаго двора. Она была куплена въ XVI вѣкѣ императоромъ Рудольфомъ II за 12000 червонцевъ. Что касается „*Агата Тиверія*“, то онъ былъ несомнѣнно похищенъ изъ сокровищницы византійскихъ императоровъ въ Константинополь и подаренъ Балдуиномъ Фландрскимъ французскому королю Людовику IX Святому. Константинъ V. перевезъ въ Константинополь большую часть собранныхъ въ Римѣ геммъ и здѣсь накопились громадныя богатства, сперва постепенно продававшіяся во время финансовой нужды, а подъ конецъ разграбленныя крестоносцами. Такъ разошлись геммы древняго міра по всѣмъ концамъ Европы. Въ средніе вѣка глиптика совсѣмъ упала и воскресла лишь въ эпоху Ренессанса, итальянскаго *Cinquecento* и XVI в., когда опять появились знаменитые граверы, какъ Пихлеръ отецъ и сыновья, ваятель Донателло, Нассаро, Ди-Кастель-Болонезе и самый древній изъ нихъ Пешія (Pescia). Выдѣлился также французъ de-Fontenay, болѣе извѣстный подъ именемъ *Кольдорэ*. Развитие глиптики было почти внезапно задержано въ XVII вѣкѣ эпохой распростиравшагося барокко, но вновь съ силою расцвѣло въ слѣ-

Этрусскій скарабей изъ сардоникса, изображающій раненаго Поликлета, перевязывающаго себѣ ногу. Найдена во время раскопокъ въ Сардиніи. (Британск. музей).

Цилиндрическая Ассиро-Персидская гемма: жертвоприношеніе, царь борящійся съ двумя львами, у которыхъ человѣческія лица. Амулетъ въ видѣ печати. (Британскій музей).

дующемъ XVIII вѣкѣ, покровительствуемое королями, аристократами и меценатами.

Кто не занимался тогда рѣзбой на драгоценныхъ камняхъ? Искусство это стали изучать многія знатныя лица, даже женщины. Такъ, мадамъ де-Помпадуръ училась ему подъ руководствомъ знаменитаго артиста въ этой области Жана Гюэ. У насъ успешно занималась тѣмъ же Великая Княгиня Марія Теодоровна, супруга Наслѣдника Цесаревича Павла Петровича, учителемъ которой былъ извѣстный К. А. Лебрехтъ (1749 — 1827), бывшій главный медальеръ С.-Петербургскаго Монетнаго Двора. Великой Княгиней изготовлены были превосходныя геммы на двухъ и трехслойномъ ониксѣ, находящіяся нынѣ въ коллекціи Императорскаго Эрмитажа: это портретъ Императрицы Екатерины II въ шлемѣ въ видѣ Минервы, свой собственный портретъ и портретъ Павла Петровича. Камни вырѣзаны такимъ образомъ, что фонъ камня остается темнымъ,

Паста (гемма изъ массы), изображающая Менаду съ тирсомъ — въ изступленіи. (Британскій музей).

„*Августовская гемма*“ (*Gemma Augustea*) изъ оникса, изображающая апофеозъ Августа: сверху Августъ на тронѣ, рядомъ съ боиней Рима; передъ нимъ Германикъ и сходящій съ колесницы Тиверій. Внизу солдаты, приотворяющіе триумфъ. Высота около 9 дюйм. (Вѣнская коллекція).

„*Августовская гемма*“ (*Gemma Augustea*) изъ оникса, изображающая апофеозъ Августа: сверху Августъ на тронѣ, рядомъ съ боиней Рима; передъ нимъ Германикъ и сходящій съ колесницы Тиверій. Внизу солдаты, приотворяющіе триумфъ. Высота около 9 дюйм. (Вѣнская коллекція).

а на немъ въ верхнихъ, свѣтлыхъ слояхъ выгравированы лица (портреты).

Отдѣльную группу составляютъ геммы скабрзаного содержания, съ такъ называемыми „соблазнительными“ сюжетами композицій разнузданной языческо-античной фантазіи. Это, конечно, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ и убѣжденіямъ... Не то было

Гемма работы Пихлера (новѣйшая эпоха), съ греческимъ означеніемъ его имени (наоборотъ), XV в. (Британскій музей).

Левъ, гемма итальянской работы. (Британскій музей).

въ древности, когда на это смотрѣли подь инымъ угломъ зрѣнія. Эротическое воображеніе греческаго міра, конечно, не удобоваримо въ наше время и потому эта группа геммъ не поддается разсмотрѣнію иначе, какъ въ условіяхъ виѣ-цензурныхъ, т. е. не на страницахъ журнала... Это, къ сожалѣнію, устраняетъ отъ нашего наблюденія множество предметовъ, порою высококачественнаго искусства, которымъ греческій античный міръ, близко стоявшій къ природѣ въ противоположность нашимъ искривленнымъ взглядамъ на естественныя проявленія человѣческой природы, вовсе не присваивалъ того запретнаго и предосудительнаго значенія, какое имъ придается современной культурой, отрѣшившейся отъ откровенности въ дѣлахъ естественныхъ, оставаясь тѣмъ же менѣе столь же грубой, какъ и у нашихъ предшественниковъ. Любовно сплетенныя въ душистыхъ рощахъ и садахъ благословенной Италіи пары, на открытомъ воздухѣ, свободныя, красивыя и здоровыя, какъ все естественное, еще невыродившееся и не стѣсненное кушой условностью, широко пользовались природными наслажденіями физически развитаго тѣла, съ наивнымъ, но вполне натуральнымъ увлеченіемъ, гармонирующимъ съ ихъ вѣрованіями, полными поэзіи и радости жизни. Ихъ не стѣснялъ ни въ чемъ ни строгій аскетизмъ новыхъ вѣрованій, ни ложный стыдъ фарисеевъ. У насъ немислимо говорить объ интересныхъ геммахъ и многихъ иныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, старательно профильтрованныхъ, какъ для институтскаго чтенія (напр. Овидій, Ювеналь, Марціалъ), завѣшиваемыхъ вуалью скромнаго лицемѣрія, подобно тѣмъ смѣшнымъ прибавленіямъ Ватиканскаго музея, которыя испортили такое множество великолѣпнѣйшихъ статуй древности изъ за неумѣстной религиозной стыдливости щепетильнаго и мелочнаго папы Пія VII Кіарамонти (1800—1823). Это не помѣшало, однако, такой несообразности: ко времени суевѣрнаго отношенія невѣжественныхъ патеровъ къ геммамъ, какъ къ талисманамъ и амулетамъ (схластика), относится поднесеніе однимъ изъ каролинскихъ князей сокровищницѣ аббатства Сень Дени подь Парижемъ, усыпальницы королей, знаменитой геммовой вазы, такъ наз. *Cantarie Dionysiaque*, хранящейся нынѣ въ луврскомъ Cabinet des médailles. Это самая большая чаша изъ сардоникса изъ доселѣ извѣстныхъ. Несмотря на соблазнительные вакхическіе сюжеты, тщательно выгравированные на ея поверхности, она въ продолженіе многихъ столѣтій, вплоть до великой революціи (когда аббатство подверглось разрушенію и разграбленію), не

реставляла служить церковной дарохранительницей и чашей, изъ которой приобщали въ таинствѣ Причастія вѣрующіихъ.

* * *

У насъ въ Россіи, какъ и на западѣ, существуетъ еще не одна коллекція геммъ среди богатыхъ собирателей, владѣльцевъ старинныхъ фамильныхъ замковъ и дворцовъ съ ихъ картинными галереями и фамильными рѣдкостями. Но, какъ бы то ни было, большинству теперь приходится ограничиваться въ лучшемъ случаѣ хорошими копіями, приготовленными помощью смѣси изъ гипса и воска. Существуютъ также стеклянныя геммы, особенно въ Италіи, нерѣдко превосходной работы. Что касается самой техники исполненія рисунковъ на камняхъ, то, какъ было сказано, она мало измѣнилась съ древнѣйшихъ временъ и какъ тогда ограничивается все еще цѣлой системой острыхъ и закругленныхъ металлическихъ стержней, которыми, помощью приспособленій съ передаточными ремнями, придаютъ быстрое вращательное движеніе и соприкасаются осторожно съ камнемъ, постепенно выдалбливая на немъ рисунокъ, предварительно выѣпленный изъ воска. Приступаютъ къ работѣ этой, смазывая концы инструментовъ масломъ, обматывая ихъ ватой и протирая тѣ или другія мѣста наждачнымъ порошкомъ. Пихлеръ изготовлялъ одну гемму въ продолженіе шести лѣтъ; надо полагать, что многія знаменитыя геммы древности стоили не мало времени добросовѣстнымъ и терпѣливымъ своимъ авторамъ. Что касается разныхъ надписей на геммахъ, то, не говоря уже о томъ, что множество таковыхъ является апокрифическими, раз-

Ониксовый камей — Августъ на тронѣ, рядомъ съ боиней Рима (Roma). Вѣнская коллекція.

„Гемма Клавдія“ — ониксовый камей изъ вѣнской коллекціи: семейство императора Клавдія. Слѣва Клавдій и Мессалина, справа Тиверій и Ливія. (11 сант. шир. × 8 сант. выс.).

считанными на легковѣрїи приобрѣтателей геммъ въ древности, остальные *достоверныя* надписи въ однихъ случаяхъ приводятъ имя автора геммы, художника, а въ другихъ, согласно указанію извѣстнаго археолога Стефани, автора отчетовъ о геммахъ Императорскаго Эрмитажа, означаютъ: названія изображеній и ихъ содержаніе, имена владѣльцевъ геммы и имена жертвователей геммы храму (приводится всего лишь одна такая гемма). Въ наше время геммы давно уже не выдѣлываютъ, ограничиваясь прошлыми образцами. Теперешняя глиптика, перешедшая въ ремесло, довольствуется, обыкновенно, рѣзбой на камнѣ печатей и гербовъ, хотя и въ высшей степени художественно исполняемыхъ. Особенно

этимъ искусствомъ славится Парижъ. Однако, не исключена возможность новаго и скорого возврата общества къ этой, почти забытой, области древняго искусства.

Владиміръ Бѣлинскій.

Портретъ Александра Македонскаго — голова, окруженная солнечнымъ сіяніемъ; карнеолевая гемма, работы привилегированнаго царскаго дактилографа Пиротелеса. (Британскій музей).

Древне-персидская (Сассанидова) гемма на іацинтѣ, съ головою царя изъ династіи Сассанидовъ, съ надписью на древне-персидскомъ языкѣ. (Британскій музей).

Камей изъ сардоникса — съ головою Актеона. (Британскій музей).

Византійская гемма съ изображеніемъ Св. Георгія и греческой надписью „Георги“. (Британскій музей).

Датскій отрядъ Краснаго Креста въ Петроградѣ.

Доктора: М. Р. Бейлефельдъ, А. А. Рисей, Ф. Ф. Гильтерманъ, П. В. фонъ-Равенъ. Предсѣдательница Л. Н. Геемекаръ-Заремба. Администраторъ Г. М. Виссеръ-Гоофтъ. Сестры милосердія: Е. К. Стембергъ, А. И. Фортейнъ, К. В. Гингманъ, А. И. де Юнгъ, І. А. Салтеть, І. Г. Губэ, Е. Б. Тень-Вююгенкато, М. Г. Дебра, Г. Г. Шиферъ-Деккеръ, Т. К. фонъ-Кетель, Е. М. Могилісь. Санитаръ П. Р. Блемингъ.

Музей церковной старины Могилевской губерніи, въ зданіи бывшаго Бернардынскаго монастыря.

Музей Вѣлоруссіи; въ глубинѣ— тронъ-кресло Екатерины II, на которомъ она сидѣла при приѣмѣ германскаго принца, пріѣзжавшаго сюда.

Могилевъ на Днѣпрѣ.

Соборъ Св. Іосифа и брама (арка) Екатерины II.

Фот. Кс. Глыбовской.

Людм. Ив. Шольпъ,
членъ комитета помощи больнымъ и раненымъ лазарета Привислянск. жел. дор.
Награждена Георгіевск. мед.

Елиз. Павл. Хвощинская,
рожд. Косаговская, Попечительница и завѣдующая хозяйствомъ въ Деражнянскомъ лазаретѣ Краснаго Креста, Подольской губ.

Фрейлина П. С. Уварова,
раб. въ X передв. отрядѣ Краснаго Креста.

Ольга Дмитр. Батурина,
нагр. Георгіевской медалью 4-й степ.
и золотой Анненской медалью.

Н. П. Иванова,
рожд. фонъ-Брадке.
Предсѣдательница Александровскаго Общества въ Симбирскѣ.

О. Я. Персіянова.
Казначей Александровскаго Общества въ Симбирскѣ.

Княгиня Юл. К. Кугушева,
работаетъ въ русскомъ лазаретѣ въ Парижѣ
(въ Hotel'ѣ Carlton).

ОСОБНЯКЪ Ю. М. КЕТНИЦА
ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Барельефы на стѣнахъ „выводного зала“ въ конюшняхъ І. А. Манташева.
Эти конюшни находятся около Петровскаго парка въ Москвѣ и выстроены были съ изысканной роскошью. Въ настоящее время І. А. Манташевѣ продалъ свою скаковую конюшню и пересталъ заниматься этимъ спортомъ, обошедшимся ему въ крупную сумму, а эти знаменитыя конюшни остаются его собственностью.

ОСОБНЯКЪ
В. Ф.
ЧАРНЕЦКАГО
ВЪ КІЕВѢ.

Пригородная усадьба В. Ф. Чарнецкаго, въ живописной части Кіева, называемой „Луцьковка“.

Изъ усадьбы открывается красивый видъ на городъ и Днѣпръ. Домъ находится въ центрѣ участка, а все свободное пространство

занято садомъ, въ которомъ посажены разнообразныя породы рѣдкихъ лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ, красиво размѣщенныхъ. Вокругъ бассейна на искусственныхъ скалахъ—альпійскія растенія, мхи и папоротники. Лѣтомъ садъ пестритъ цвѣтами.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

... Ты знаешь, сколько нашъ Шишкинъ можетъ выпить?! Онъ перепивалъ весь полкъ. Англосаксы, наконецъ, обозлились и рѣшили его доконать.

Сдѣлали заговоръ: рѣшено было поить его всѣмъ по очереди, по системѣ. Шишкинъ долго держался, но въ концѣ концовъ, понятно, свалился и заснулъ какъ мертвый. Тѣ тоже были уже всѣ пьяны. Рѣшили Шишкина похоронить! Раздѣли его до гола и выкрасили сажей въ полосы, какъ тигра... Потомъ положили на столъ, зажгли кругомъ свѣчи и пѣли. Но подъ утро нужно его было отправить домой. Оказалось, что никто не знаетъ, гдѣ онъ живетъ... Кто-то вспомнилъ адресъ его хорошихъ знакомыхъ, мистера Г. Повезли его туда, внесли на террасу въ саду и положили тамъ, подложивъ ему подъ голову чье-то пальто. Спьяна они забыли, что дочь Р.—невѣста Шишкина! Миссъ встала раньше всѣхъ, вышла на террасу и увидѣла своего жениха полосатаго, какъ тигра...

Свадьба понятно разстроилась, такъ какъ миссъ Р. была увѣрена, что всѣ русскіе такіе полосатые, и заявила, что она не желаетъ имѣть полосатыхъ дѣтей...

* * *

— Для того, чтобы быть докторомъ или адвокатомъ, нужно учиться и получить дипломъ: для того, чтобы быть редакторомъ журнала—ровно ничего не нужно...

— Совершенно вѣрно! На дняхъ я встрѣтилъ барышню—гдѣ-то училась, ничего не кончила, пробовала писать въ газеты и журналы, ничего не вышло, тогда она сдѣлалась редакторомъ и издаетъ журналъ. Говорить, что идетъ превосходно...

— Это не исключитель-

ное явленіе... Вообще для редактора никакого ценза не требуется, включая и цензъ талантивности... А казалось бы, что это прежде всего долженъ быть наиболѣе образованный человѣкъ...

— Зато какъ это сильно отражается на изданіяхъ, какой величайшей безграмотностью, безвкусіемъ и пошлостью часто вѣтъ отъ нихъ...

— Это измѣнится скоро. Приглашеніе извѣстнаго критика Измайлова редакторомъ „Петроградскаго Листка“ чуть не на 36.000 жалованья,—только первая ласточка... Но что удивительно: когда какой-нибудь малограмотный комسیونеръ зарабатываетъ 136 тысячъ—это никого не удивляетъ, а когда человѣку, всю жизнь создававшему свой умственный капиталъ, даютъ 36.000 въ годъ—всѣ ахаютъ... Да, самый маленькій дивидендъ пока даетъ мозговой капиталъ.

— Это измѣнится скоро...

* * *

Семья англійскихъ бульдоговъ, третій слѣва—„папаша“.

Въ усадьбѣ „Михайловка“, Лебединскаго у., Харьковской губ., графа Ал. В. Капниста.

Соб. фот. „Ст. и Ус.“

* * *

...Нѣсколько лѣтъ назадъ я встрѣтилъ въ Монте-Карло Ивана П.-К. Онъ когда то былъ такъ же богатъ, какъ и два его брата, но умудрился при помощи женщинъ и собственнагостаранія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проиграть въ баккарамилионовъ семь или восемь. Я его встрѣтилъ уже тогда, когда у него ничего не было, и все-таки онъ какъ-то жилъ. Въ минуты откровенности онъ говорилъ, не унывая:

— „Гдѣ рѣка текла, тамъ всегда мокро будетъ“...

И дѣйствительно, было мокро, жилъ и посейчасъ живетъ.

Одинъ изъ петроградцевъ услышалъ отъ меня этотъ парадоксъ и тоже имъ утѣшается теперь, когда почти ничего не осталось...

— Это вѣрно! Я помню, кто-то рассказывалъ, что онъ считаетъ себя достаточно обеспеченнымъ человекомъ, такъ какъ у него три милиона долгу... У кого есть три милиона долгу, у того всегда найдется, на что жить.

— Недаромъ говорятъ, что сдѣлать долгъ въ десять милионовъ гораздо труднѣе, чѣмъ нажать десять милионовъ...

* * *

— Я не понимаю програмы вашего журнала: иногда вы печатаете усадьбы дѣйствительно большого художественнаго интереса, а другой разъ какія-то ничтожныя и безвкусныя постройки только потому, что онѣ не въ городѣ, а въ деревнѣ.

— Именно это и важно, что онѣ въ деревнѣ, а не въ городѣ. Каждая, даже самая маленькая и даже безвкусная усадьба—это культурный уголокъ на нашей громадной русской равнинѣ. Чѣмъ больше такихъ уголковъ, тѣмъ быстрѣе пойдетъ культура равнины. Важны не только художественныя собранія и дворцы Гваренги, но важно всякое болѣе или менѣе культурное гнѣздо среди духовнаго пустыря. Чѣмъ больше будетъ любви и влеченія къ этому своему гнѣзду, тѣмъ скорѣе цивилизуется равнина... И вы замѣтите, что чѣмъ культурнѣе народъ, тѣмъ больше у него пробуждается стремленія имѣть непремѣнно свой уголокъ, хотя бы маленький, мизерный, даже безвкусный, ибо вкусъ достояніе избранныхъ...

* * *

— Въ послѣднее время я все больше и больше прихожу къ выводу, что никимъ образомъ не нужно находиться подъ влияніемъ чьихъ-либо мнѣній, не нужно искать какихъ-либо авторитетовъ и наиболѣе освѣдомленныхъ людей и стараться думать такъ, какъ они думаютъ. Наиболѣе освѣдомленные люди часто понимаютъ положеніе меньше другихъ, а самыя авторитетныя мнѣнія бывають нерѣдко наиболѣе глупыми. Нужно учитывать, по возможности, наибольшее количество фактовъ и самому дѣлать изъ нихъ выводы. Нужно слушать всѣ мнѣнія кругомъ, и болѣе, и менѣе авторитетныя, но создавать только свое мнѣніе. Нѣтъ истины въ чужомъ мнѣніи, нужно имѣть свое! Свое мнѣніе всегда правильнѣе, глубже и умнѣе, чѣмъ чужое. Люди тѣмъ и отличаются другъ отъ друга, что одни живутъ чужимъ умомъ, а другіе своимъ; своимъ живутъ умные, а чужимъ живутъ глупые. Сильный человекъ долженъ протестовать мысленно противъ всякаго чужого мнѣнія, онъ не долженъ съ нимъ соглашаться ни въ какомъ случаѣ. Можетъ быть въ результатъ своихъ размышленій онъ самъ придетъ приблизительно къ такому же мнѣнію и можетъ его оставить себѣ, но это уже его собственное, а не принятое на вѣру

отъ другого только потому, что этотъ другой считается авторитетомъ. Авторитеты создаются мнѣніемъ толпы, большинства, а этотъ приговоръ всегда жалко посредствененъ... Что можетъ быть тусклѣе мнѣнія толпы!? Это отнюдь не разрушеніе авторитетовъ, это протестъ противъ вѣры. Тамъ, гдѣ долженъ работать мозгъ, тамъ не мѣсто вѣрѣ; тамъ нужно движеніе мозговыхъ клѣточекъ, а не бабья вѣра. Вѣра хороша въ церкви, въ религій, тамъ, гдѣ размысленіе привело бы къ абсурдности, тамъ и не нужно разсуждать, но зато во всемъ остальномъ вѣра есть величайшее зло. Лучше свое самое глупое, чѣмъ вѣра въ чужое самое умное!...

— Говорите прямо, какая женщина васъ обманула?.. Это лучше, чѣмъ одѣваться въ тогу демона-разрушителя.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ статьѣ „Перстень Сердюка“ въ № 57 „Столицы и Усадьбы“ имѣется небольшая неточность. Тамъ упомянуто, что дѣйствительный камергеръ и генераль-поручикъ Мих. Ив. Сафоновъ былъ женатъ на племянницѣ императрицы Елизаветы, графинѣ Марфѣ Симоновнѣ Гендриковой* (1727—1754), между тѣмъ, какъ она была двоюродной сестрой императрицы, дочерью брата Екатерины I. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 г., въ письмахъ Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву, приводятся слѣдующія любопытныя слова императрицы Елизаветы. Однажды М. С. Сафонова пожаловалась государынѣ, что мужъ прибилъ ее; Елизавета посадила Сафонова на три дня подъ арестъ, сказавши: „Мужъ имѣетъ право бить жену, но никто не смѣетъ бить двоюродную сестру императрицы“...

Въ письмѣ А. В. Олсуфьеву Екатерина II велитъ ему написать указъ объ увольненіи М. И. Сафонова со службы съ награжденіемъ ранга (въ Москвѣ, 14 апрѣля 1763 г.).

М—88.

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Петроградской Косметической Лабораторіи, которыя имѣются на всѣхъ этикетахъ.

Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ.

Главный складъ для Россіи
А. ЭНГЛУНДЪ.
Птл., Новодеревенск. наб. 15.

Лучшія АНГЛІЙСКІЯ ДАМСКІЯ БЛУЗЫ удостоенныя высшей награды.

П. С. КУЗНЕЦОВЪ.

Невскій пр. № 66, противъ Аничков. дворца.

Магазинъ отдѣленій не имѣетъ.

ПАПИРОСЫ

ЗЕФИРЪ

10 шт.

15
20
30
40
50

Т. В. ДАФЕРМЪ
ПЕТРОГРАДЪ.

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МУЖСКОГО ТУАЛЕТА.

Jockey-Club

№ 40. NEVSKY. № 40.

ПИЖАМАС

ГОТОВЫЕ И НА ЗАКАЗЪ.

Телефонъ 58-24.

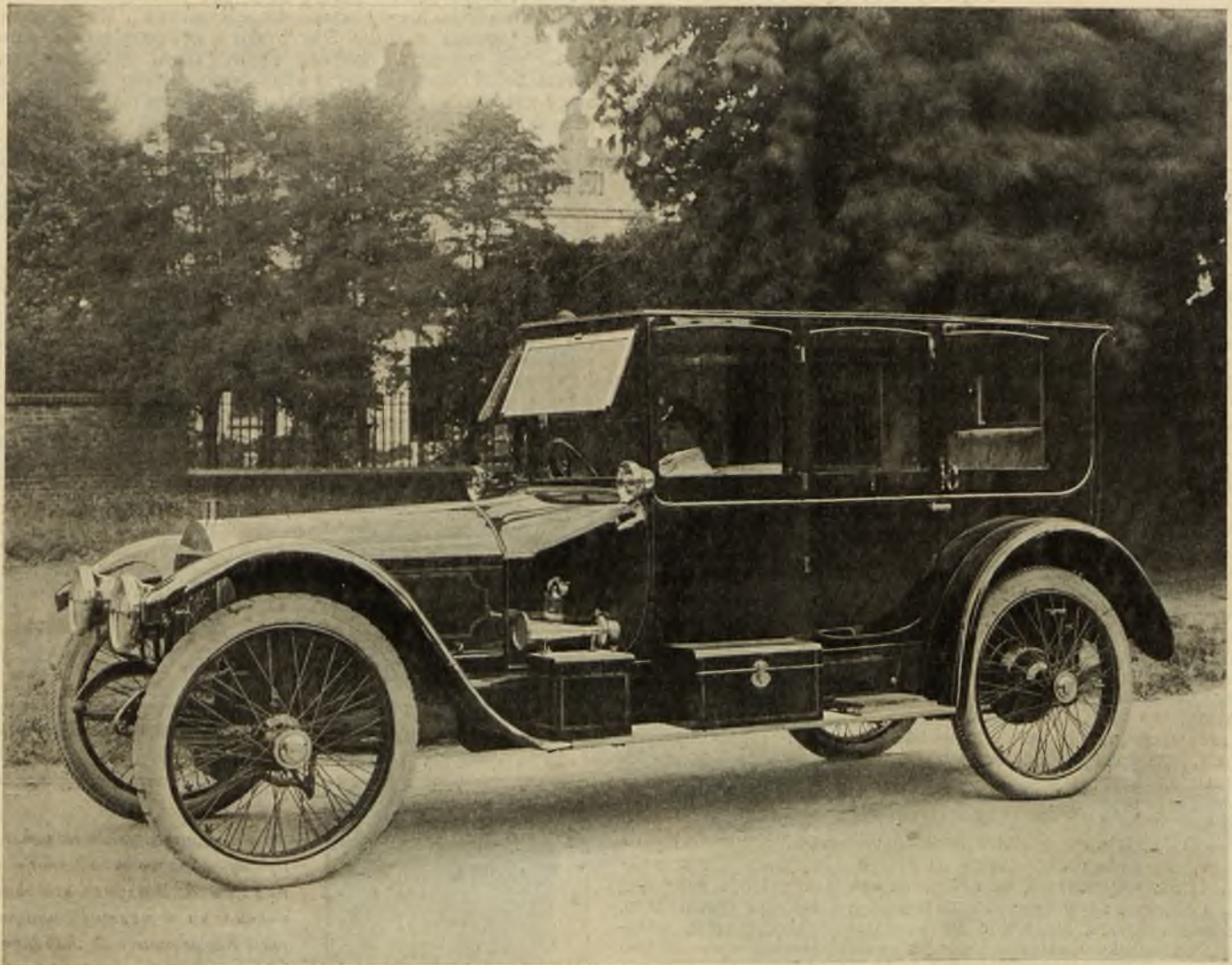
ВСЕМИРНОИЗВѢСТНЫЙ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННІЯ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МІРА.

КАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ ВЕСНУШКИ, УГРИ, ПЯТНА, ЗАГАРЫ, МОРЩИНЫ, НЕЖЕЛАННЫЯ ВОЛОСЫ.

Kazimi

Его Величества Короля Угандскаго шестицилиндровый безшумный Напьерскій автомобиль со спеціальнымъ „колоніальнаго“ типа высокимъ шасси, приспособленнымъ для ѣзды по примитивнымъ дорогамъ средней Африки и королевства Угандскаго. Кароссеріи типа „рояль-салонъ“.

АВТОМОБИЛИ **NAPIER**

очень популярны среди африканскихъ и индійскихъ властелиновъ, что доказывается слѣдующимъ спискомъ постоянныхъ заказчиковъ „Napier“:

H. M. The King of Siam	H. H. The Nawab Babadur, India
H. M. The King of Uganda	H. H. The Maharajah of Tikari, India
H. M. The Queen of Siam	H. H. The Maharajah Scindia of Gwalior, India
H. M. The Chief of Manavada of Kathiawar	Rajah of Kanika, India
H. H. The Maharajah of Idar, India	H. E. Earl Minto, Viceroy of India.
H. H. The Nizam of Hyderabad	

Если кромѣ высокопоставленныхъ лицъ и высшей аристократіи Англій превосходныя качества Напьерскихъ машинъ отмѣчаютъ властелинами и высокопоставленными лицами Африки, Индіи и другихъ частей свѣта, то, безусловно, автомобили „Napier“ должны быть самыми подходящими и для русскихъ дорогъ.

Если Вы хотите получить автомобиль „Napier“, то поспѣшите внести Ваше имя въ очередные списки Напьерскихъ заказчиковъ.

О-во НАПИЕРСКИХЪ заводовъ
D. NAPIER & SON LIMITED.
14, New Burlington St.,
London W.

Гл. уполномоченный для Россіи
Д. Л. ГОТАРРЕСЪ-ДЕ-ЛАРА.
Петроградъ, Церковная 33.
Телефонъ 140-52.

Товарищество Россійско-Американской резиновой мануфактуры

„ТРЕУГОЛЬНИКЪ“

Правленіе Товарищества имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. пайщиковъ, что разрѣшенный Правительствомъ дополнительный выпускъ паевъ Товарищества будетъ произведенъ, согласно постановленію Общаго Собранія гг. пайщиковъ отъ 26 мая с. г. въ количествѣ девяносто тысячъ паевъ на нарицательную сумму 9.000.000 рублей, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Выпускная цѣна каждаго изъ новыхъ паевъ опредѣляется въ двѣсти рублей, изъ коихъ сто рублей поступають въ основной капиталъ и сто рублей—въ запасный капиталъ предприятия.

2. Выдача дивиденда по новымъ паямъ будетъ производиться за 1916 г. — по расчету съ 1 июля с. г., т. е. за шесть мѣсяцевъ, а послѣдующіе годы—на равныхъ основаніяхъ съ паями предыдущихъ выпусковъ.

3. Право преимущественнаго приобрѣтенія выпускаемыхъ новыхъ паевъ предоставляется владѣльцамъ паевъ, нынѣ находящихся въ обращеніи, въ количествѣ трехъ новыхъ паевъ на каждые семь паевъ прежнихъ выпусковъ.

4. Пайщики, желающіе получить пай новаго выпуска, должны, начиная съ 1 сентября с. г. и не поздне 2 часовъ дня 28 сентября с. г., представить въ Петроградскій Учетный и Ссудный Банкъ въ Петроградѣ, при соответствующихъ заявленіяхъ, имѣющіеся у нихъ подлинныя пай прежнихъ выпусковъ, для наложенія штемпеля и одновременно произвести оплату приобрѣтаемыхъ новыхъ паевъ полностью. При этомъ въ подаваемыхъ заявленіяхъ должно быть оговорено, что представляемые пай прежнихъ выпусковъ не принадлежать кому либо изъ подданныхъ воюющихъ съ Россіей державъ.

5. Пайщики, не заявившіе до 28 сентября с. г. включительно о своемъ желаніи приобрѣсти пай новаго выпуска или не оплатившіе таковыхъ, теряють право на ихъ полученіе.

6. Пайщики, желающіе принять участіе въ дополнительной разверсткѣ тѣхъ паевъ новаго выпуска, которые могутъ остаться неразобранными своевременно другими владѣльцами паевъ прежнихъ выпусковъ, приглашаются объ этомъ заявить Петроградскому Учетному и Ссудному Банку въ Петроградѣ, также не поздне 28 сентября с. г. Оставшіеся пай будутъ дополнительно распределены между заявившими о томъ пайщиками, соразмѣрно количеству представленныхъ ими паевъ прежнихъ выпусковъ. О числѣ причитающихся на долю каждаго по дополнительной разверсткѣ новыхъ паевъ, гг. пайщики будутъ извѣщены особыми увѣдомленіями, посылаемыми по адресу, указанному въ заявленіи; при этомъ оплата дополнительныхъ паевъ должна быть произведена не поздне 2 часовъ дня 12 октября с. г. въ Петроградскомъ Учетномъ и Ссудномъ Банкѣ въ Петроградѣ.

7. По уплатѣ слѣдуемыхъ за новыя пай суммъ, приобрѣтателямъ ихъ выдаются именныя временныя свидѣтельства, которыя будутъ обмѣнены на подлинныя новыя пай по изготовленіи послѣднихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Правленіе Товарищества доводитъ до свѣдѣнія гг. пайщиковъ, что, согласно постановленію того же Общаго Собранія отъ 26 мая с. г., одновременно будетъ выдано гг. пайщикамъ изъ особо-запаснаго капитала, находящагося въ распоряженіи пайщиковъ, по 40 рублей на каждый изъ паевъ прежнихъ выпусковъ. Для полученія этихъ суммъ, гг. пайщики, за исключеніемъ лицъ, состоящихъ подданными воюющихъ съ Россіей державъ, благоволятъ представлять въ Петроградскій Учетный и Ссудный Банкъ въ Петроградѣ, начиная съ 23 сентября с. г., при соответствующихъ заявленіяхъ, имѣющіеся у нихъ пай для наложенія штемпеля о выдачѣ указанной суммы.

Г-ВО

ТРЕУГОЛЬНИКЪ

изготавливаетъ
для нуждъ ла-
заретовъ и боль-
ницъ всь необ-
ходимыя хирур-
гическiя и др. из-
дѣлiя изъ резины,
эбонита, проре-
зиненной ма-
тери и проч.

Петроградъ
Екатерин. кан. 34